

СЕРЖ ГОНЧАРИК

Соня

Сказка-разговор
для детей и взрослых



72 ГЛАВЫ · 72 РАЗГОВОРА

Серж Гончарик

Соня

«Автор»

2026

Гончарик С.

Соня / С. Гончарик — «Автор», 2026

Соня — обычная девочка. Она ссорится с младшим братом, обижается на подруг, завидует, ревнует, мечтает и ошибается — как все мы. Семьдесят две короткие главы — семьдесят два состояния, через которые проходит каждый человек: гнев и прощение, зависть и благодарность, страх и смелость. Это терапевтическая книга-разговор. Она не поучает и не говорит, как правильно, а открывает дверь: после каждой главы есть вопросы «Поговорим?», которые помогают родителям и детям честно рассказать друг другу о своих чувствах. Читайте по одной главе перед сном — и вы заметите, как в семье появляется общий язык.

© Гончарик С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
От автора	6
Как читать эту книгу вместе	7
Часть первая. Зерно	8
Глава 1. Зерно	8
Глава 2. Очки	13
Глава 3. Огонь	18
Глава 4. Наклейка	23
Глава 5. Птичка	28
Глава 6. Тени	33
Глава 7. Медаль	38
Глава 8. Мало	42
Глава 9. Мёд	47
Часть вторая. Корень	52
Глава 10. Тишина	52
Глава 11. Кузина	56
Глава 12. Лучшие дубли	61
Глава 13. Никто	65
Глава 14. Море на потолке	70
Глава 15. А что, если	75
Глава 16. Новенькая	78
Глава 17. Письма с Севера	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Серж Гончарик

Соня

Глава

*Моей маме. Её свет живёт в каждой иллюстрации этой книги.
Её зовут Софья — «мудрость». А дома её зовут Соня — та, что спит.*

От автора

Эта книга — не просто сказка. Это книга-разговор.

Я написал её для родителей и детей, которые любят друг друга, но не всегда умеют об этом говорить. Для мамы, которая устала и сорвалась на крик, а потом не знает, как начать мириться. Для папы, который хочет понять, что происходит с дочкой, но слышит в ответ только «нормально». Для ребёнка, у которого внутри целая буря — зависть, страх, обида, ревность, — а слов для неё ещё нет.

Соня — обычная девочка. Её зовут Софья, «мудрость», а дома — Соня. Она ссорится, завидует, обижается, мечтает, ошибается и каждый раз немного взрослеет. Семьдесят две главы — семьдесят два состояния, через которые проходит каждый человек: от гнева до сострадания, от пустоты до радости. Это те же семьдесят две клетки древней игры самопознания Лилы, только рассказанные через жизнь одной девочки и её семьи.

Это терапевтическая книга: она не поучает и не говорит, как правильно. Она открывает дверь к разговору. После каждой главы есть вопросы «Поговорим?» — не для экзамена, а для тихого вечера, когда взрослый и ребёнок могут честно сказать друг другу: «А со мной тоже так было».

Если эта книга поможет хотя бы одной семье впервые за долгое время поговорить по душам — она написана не зря.

Книга не заменяет помощь психолога или врача. Если ребёнку или вам сейчас очень тяжело, обратитесь к специалисту.

Как читать эту книгу вместе

- Одна глава — один вечер. Главы короткие, их удобно читать перед сном.
 - Читайте вслух. Ребёнок слышит не только слова, но и ваш голос.
 - После главы задайте один-два вопроса из «Поговорим?». Не все — столько, сколько захочется.
 - Слушайте больше, чем говорите. Нет правильных ответов: есть то, что ребёнок чувствует.
 - Рассказывайте о себе. «А я в детстве тоже завидовал(а)...» — самые сильные слова этой книги.
 - Не превращайте главу в нравоучение. Если ребёнок не хочет говорить — просто побудьте рядом.
 - Возвращайтесь к главам. Одна и та же история в шесть и в десять лет звучит по-разному.
- Книга подходит для чтения с детьми примерно от шести лет. Подростки часто читают её сами — и тогда вопросы «Поговорим?» становятся вопросами к себе.

Часть первая. Зерно

Глава 1. Зерно



— Лучше бы я родилась у Лизиных родителей.

Соня сказала это вечером, в прихожей, и сама не поверила, что сказала вслух. Мама как раз надевала куртку: у неё снова была ночная смена. Сегодня в школе был концерт, Соня пела в хоре, и все родители пришли. Лизины — вдвоём, с цветами и с телефоном на палочке. А Сонин папа пришёл только к последней песне, в рабочей куртке, пахнувшей бензином. Мамы не было совсем.

Мама замерла с одним рукавом. Потом тихо застегнула куртку, поцеловала Соню в макушку и сказала:

— Я завтра утром вернусь.

Дверь закрылась. Соня осталась в прихожей с горячими щеками.

* * *

Весь вечер всё было не так. Тимоша рассыпал гречку и смеялся. Папа чинил на кухне чей-то пылесос и насвистывал, как будто ничего не случилось. Соня ушла в комнату и смотрела в потолок.

Она вспоминала Лизин дом: два этажа, своя комната с балконом, фотографии с моря по всей лестнице. Лизина мама никогда не уходит по ночам. Лизин папа не пахнет бензином. У Лизы есть всё. А у Сони — пятиэтажка, комната пополам с Тимошей и мама, которая всегда на работе.

«Почему я родилась именно здесь? — думала Соня. — Кто это решил? Это нечестно».

Ей было стыдно за то, что она сказала маме. И от стыда ещё обиднее. Так, с двумя камнями внутри, она и уснула.

* * *

Ей снилась темнота. Не страшная — тёплая, как под одеялом. И в этой темноте вдруг зажёгся маленький свет.

— Ты кто? — спросила Соня.

— Я твой первый свет, — ответил голос, похожий на колокольчик. — Я был с тобой в ту секунду, когда ты пришла.

— Куда пришла?

— Сюда. Хочешь посмотреть?

Темнота раздвинулась, и Соня увидела комнату с белыми стенами и большим окном, за которым начинался рассвет. На кровати лежала женщина с мокрыми волосами — совсем молодая, Соня не сразу её узнала. Это была мама. А на руках у мамы лежал крошечный красный человек и кричал.

— Это я? — прошептала Соня.

— Это ты. Смотри на маму.

Мама плакала. Но не так, как плачут от горя. Она смотрела на кричащий свёрток так, будто держала в руках всё солнце сразу. Рядом стоял молодой папа, и у него дрожали руки, которые не дрожат, даже когда он паяет самые тонкие провода.

— Они меня так ждали? — спросила Соня.

— Они ждали именно тебя, — сказал свет. — Не какую-то девочку. Тебя.

— Но у Лизы лучше...

— У Лизы — её. А у тебя — твоё. Ты пришла не в лучшее место. Ты пришла в своё.

Соня молчала. Потом спросила:

— А зачем мне именно своё?

— Зерно, которое упало у дороги, не может вырасти в саду. Но у дороги оно вырастет таким, каким не вырастет ни одно садовое. В этой семье есть то, чего тебе не дадут нигде больше. Ты пока не знаешь, что это. Узнавать будешь всю жизнь.

Свет подлетел ближе, и Соня увидела в нём маленькое тёмное зёрнышко.

— Возьми. Посади. Оно будет расти, пока растёшь ты.

— А что из него вырастет?

— Я не знаю. Никто не знает. Это и есть самое интересное.

И напоследок свет сказал:

— Ты проснулась чуть больше.

* * *

Утром Соню разбудил не будильник, а запах. Мама стояла у плиты в старом свитере и жарила сырники. Под глазами у неё были тени, волосы собраны кое-как. Она пришла после смены и не легла спать — готовила завтрак.

Соня подошла сзади и обняла её, уткнувшись носом в свитер.

— Мам, прости. Я вчера сказала ужасное.

Мама выключила плиту, повернулась и села на табуретку, чтобы их глаза были на одном уровне. Сначала она ничего не сказала. Просто взяла Сонины ладони в свои — тёплые, как всегда.

— Тебе было обидно, что меня не было на концерте, — сказала она. — Я знаю. Мне тоже было обидно. Я всю ночь думала, как ты поёшь.

Соня кивнула и заплакала.

— Мам, а как я родилась?

Мама улыбнулась — так, как улыбалась в Сонином сне.

— На рассвете. Я принимала роды у других много лет, а когда родилась ты, поняла, что ничего не знала. Ты так кричала! А потом замолчала, открыла глаза и смотрела на меня — долго-долго. Будто вспоминала, откуда пришла.

— А почему вы называли меня Софьей?

— Софья — это «мудрость». Мы с папой решили, что в тебе её много. А потом ты всё время спала. День и ночь, будто досматривала сон, который начала ещё до рождения. И мы стали звать тебя Соней.

— Значит, я мудрость, которая спит?

Мама засмеялась и прижала её к себе.

— Значит, ты мудрость, которая потихоньку просыпается.

Она помолчала и добавила тише:

— А ещё знаешь что? Когда ты вчера сказала про Лизиных родителей, мне было больно. Но я всю дорогу на смену думала: в восемь лет я тоже хотела другую маму. Ту, которая не кричит и печёт пироги. А потом выросла и поняла: моя мама не умела печь пироги, зато умела не спать три ночи подряд, когда я болела. Я тоже не сразу это увидела.

— Ты на меня не сердись?

— Я твоя мама, — просто сказала она. — Я не сердилась ни одной минуты. Мне было грустно. А грусть прошла, как только ты меня обняла.

Соня разжала кулак. Там, на ладони, лежало маленькое тёмное зёрнышко. Откуда оно — она не знала. Но знала, что его надо посадить.

* * *

Они нашли на балконе старый глиняный горшок и мешок с землёй, которую бабушка Нина передала весной. Мама держала горшок, а Соня пальцем сделала ямку, положила туда зерно и укрыла землёй. Земля была тёмная, влажная и пахла бабушкиным садом. Тимоша прибежал и тоже потрогал землю — и измазался до локтей.

В школе Анна Сергеевна попросила рассказать о своей семье. Соня встала и сказала:

— Моя мама принимает на свет детей. Я тоже родилась у неё на руках. А мой папа чинит всё на свете, даже вчера починил пылесос. Я раньше думала, что это обычно. А теперь думаю, что это моё.

Лиза посмотрела на неё удивлённо. А Соня впервые не стала думать о Лизином доме.

* * *

Вечером горшок стоял на подоконнике, на самом утреннем месте. В земле ещё ничего не было видно. Но зерно уже было там.

Поговорим?

- *Если бы ты мог(ла) увидеть день своего рождения, что бы ты хотел(а) увидеть на лицах тех, кто тебя ждал?*
- *Что в твоей семье есть такого, чего нет ни у кого другого?*
- *Что значит твоё имя? Может быть, в нём тоже спит что-то, что ждёт пробуждения?*

Глава 2. Очки



Анна Сергеевна Соню не любила. Соня знала это точно.

Сегодня на математике Соня решила все примеры, а получила тройку — за одну ошибку и «грязь в тетради». У Лизы в тетради тоже были кляксы, а у неё пятёрка. А на чтении Анна Сергеевна сказала при всём классе: «Светлова, ты опять витаешь в облаках». Все засмеялись. Даже Миша.

* * *

Домой Соня шла медленно, пинала камешек и составляла список. Пункт первый: тройка. Пункт второй: «витаешь в облаках». Пункт третий: в сентябре Анна Сергеевна посадила её на последнюю парту. Пункт четвёртый: она никогда не улыбается Соне. Список выходил длинный, и чем длиннее он становился, тем яснее всё было.

У подъезда её догнала Лиза.

— Ты чего такая?

— Анна Сергеевна меня не любит.

— А, это все знают, — легко сказала Лиза. — Она тебя с первого класса не любит. Мне мама говорила, что учителя всегда выбирают себе любимчиков и нелюбимчиков.

От этих слов стало одновременно легче и хуже. Легче — потому что Соня оказалась права. Хуже — потому что «все знают», а значит, так будет всегда. Дома Тимоша полез к ней с машинкой, и Соня рывкнула на него так, что он ушёл к маме и там тихо заплакал. Соне стало стыдно, но стыд тоже лёг в список — как будто и в этом была виновата Анна Сергеевна.

— Меня учительница ненавидит, — объявила Соня за ужином.

Тимоша от неожиданности уронил ложку. Папа поднял бровь.

— Прямо ненавидит?

— Прямо. Я проверяла.

Папа хотел что-то сказать, но мама тихо тронула его за руку, и он промолчал. Соня ушла к себе, полила горшок на подоконнике — земля была тёмная и тихая — и легла, отвернувшись к стене.

* * *

Ночью темнота снова стала тёплой, и в ней зажёгся знакомый свет.

— Ты сегодня грустная, — сказала звёздочка.

— Меня учительница ненавидит.

— Хочешь посмотреть на неё?

Соня оказалась в классе. Только класс был пустой, вечерний, и за учительским столом сидела Анна Сергеевна. Она проверяла тетради. На носу у Сони вдруг оказались очки — тёмно-серые, тяжёлые.

— Посмотри через них, — сказала звёздочка.

Через серые очки Анна Сергеевна была строгой и злой. Она взяла Сонину тетрадь и поджала губы. «Вот, — подумала Соня. — Я же говорила».

— А теперьними.

Соня сняла очки — и увидела другое. Анна Сергеевна сидела одна, уже очень поздно. Глаза у неё были красные от усталости. Рядом на столе лежал телефон, и на экране светилось: «Мама, больница, позвони». Она взяла Сонину тетрадь, долго смотрела на решённые примеры и вдруг улыбнулась. Потом нахмурилась, обвела одну ошибку и вздохнула:

— Ну что же ты, Светлова. Ты же можешь лучше всех.

Соня стояла не дыша.

— Это правда? — спросила она.

— Это то, что было, — ответила звёздочка. — Ты видела то же самое. Только через очки.

— Откуда они у меня?

— Их никто не надевает нарочно. Однажды тебе было обидно — и стекло чуть потемнело. Потом ещё раз. А потом ты забыла, что они на тебе, и решила, что мир такой и есть.

— А как их снимать?

— Очень просто. Спрашивать себя: «А что, если я сейчас вижу не то, что есть?» И спрашивать других. Очки боятся вопросов.

Соня посмотрела на серые очки в руке. Они были тяжёлые, а без них стало легко, как после дождя.

— Ты проснулась чуть больше, — сказал свет.

* * *

Утром папа ушёл в мастерскую раньше всех, и Соня побежала к нему в куртке поверх пижамы. В мастерской пахло железом и машинным маслом. Папа стоял у верстака и протирал тряпкой свои сварочные очки — тёмные, с толстыми стёклами.

— Ты чего так рано? — удивился он и, не дожидаясь ответа, накинул на неё свою старую тёплую куртку. Соня утонула в ней по колени.

— Пап, а ты всегда видишь всё правильно?

Папа засмеялся.

— Я? Вот смотри.

Он протянул ей сварочные очки. Соня надела их — и мастерская исчезла. Всё стало чёрным, только лампа под потолком светилась тусклым зелёным пятном.

— Через них я вижу только огонь, — сказал папа. — Это правильно, когда варишь железо. Но если забыть их снять и пойти домой, можно решить, что солнце погасло. Однажды я так и сделал, представляешь? Вышел из мастерской и полминуты думал, что наступила ночь.

Соня сняла очки и засмеялась. Потом перестала.

— Пап, а я, кажется, тоже в очках хожу. Про Анну Сергеевну.

Папа ничего не сказал сразу. Он отложил тряпку, сел рядом на ящик и обнял её — вместе с курткой.

— Это бывает, — сказал он наконец. — Со мной тоже. Главное — что ты их заметила. Большинство людей так и ходят всю жизнь.

— А если она правда меня не любит?

— Тогда ты это узнаешь. А не придумаешь.

Он помолчал, вертя в руках очки.

— Знаешь, у меня с бабушкой Ниной так было. Мне было лет десять, и я решил, что она меня не любит. Она всё время работала — сад, пчёлы, огород — и никогда меня не хвалила. Я целый год так думал. А потом нашёл у неё в комоде тетрадку. Там было записано всё: когда я пошёл, когда сказал первое слово, когда сам починил велосипед. Целая тетрадка про меня. Она просто не умела говорить. Умела записывать.

— А ты ей сказал?

— Сказал. Через двадцать лет, — усмехнулся папа. — Не повторяй за мной. Спрашивай сразу.

* * *

На перемене Соня подошла к учительскому столу. Ноги были ватные.

— Анна Сергеевна, можно спросить? Почему у меня тройка? Я же решила почти всё.

Анна Сергеевна подняла глаза — усталые, как ночью.

— Потому что ты можешь без ошибок, Соня. Ты решаешь быстрее всех в классе, а потом спешишь и путаешь знаки. Я ставлю тебе строже, потому что вижу, на что ты способна. — Она помолчала и добавила тише: — И прости, что вчера при всех про облака. У меня был тяжёлый день.

— У вас мама в больнице? — вырвалось у Сони.

Анна Сергеевна удивлённо посмотрела на неё. Потом кивнула.

— Откуда ты знаешь?

Соня не знала, что ответить. Она просто сказала:

— Пусть она поправится.

* * *

Вечером Соня полила горшок. Земля потемнела от воды, и на ней проступили мелкие трещинки — как будто снизу кто-то тихонько дышал.

Поговорим?

- *Бывало ли, что ты был(а) уверен(а) в чьих-то мыслях, а потом оказывалось, что ошибся/ошиблась?*
- *Какого цвета твои очки, когда тебе обидно?*
- *Кого ты можешь сегодня просто спросить, вместо того чтобы додумывать?*

Глава 3. Огонь



Соня рисовала открытку маме на день рождения целую неделю. Тайком, по вечерам, пока мама была на сменах. На открытке был рассвет над рекой, большое окно роддома и маленькие светящиеся окошки — по одному на каждого ребёнка, которого мама приняла. Соня считала, что их, наверное, тысяча, и нарисовала очень много окошек. Это была лучшая её работа. Она спрятала её в ящик стола под тетради.

Каждый вечер, когда Тимоша засыпал, она доставала открытку и добавляла ещё несколько окошек. Однажды папа застал её за этим и шёпотом спросил, что это. Соня рассказала — и папа пообещал сделать рамку сам, из старой доски. Он даже отпилил кусок и спрятал в мастерской. Маме не говорили ни слова. День рождения был в воскресенье. Соня считала дни и по утрам улыбалась сама себе, как человек, у которого есть тайна.

* * *

В субботу утром она открыла ящик — и увидела.

Поверх рассвета шли толстые синие каракули. Солнце было закрашено. Окошки исчезли под кругами и палками. А в углу Тимошиной рукой было выведено что-то вроде кривой буквы «Т».

Внутри у Сони что-то вспыхнуло. Горячее, колючее, белое. Она не думала — она уже бежала.

Тимоша сидел на полу в коридоре и катал машинку.

— Это ты?! — закричала Соня так, что задрожало зеркало.

— Я тебе помог, — радостно сказал Тимоша. — Я маме тоже нарисовал.

Соня толкнула его. Не очень сильно — но Тимоша сидел неустойчиво, упал на спину и стукнулся затылком о шкаф. Секунду было тихо. А потом он заревел — громко, обиженно, по-настоящему.

Из комнаты выбежала мама — она только час назад пришла со смены и легла. Она схватила Тимошу на руки, ощупала голову.

— Что случилось?

— Он испортил! — крикнула Соня. Её трясло. — Он всё испортил! Я неделю рисовала! Это было тебе!

И убежала к себе, хлопнув дверью.

* * *

Она сидела на полу у кровати, сжав кулаки так, что болели пальцы. Внутри всё ещё горело. И одновременно было очень холодно: перед глазами стоял Тимоша, который падает на спину.

Она не заметила, как уснула прямо там, на полу. И темнота опять стала тёплой.

— Покажи руки, — сказала звёздочка.

Соня разжала кулаки. В каждой ладони горел маленький огонёк — живой, красно-золотой.

— Что это?

— Твой огонь. Он сегодня выскочил первым, раньше тебя.

— Я плохая, — прошептала Соня. — Я толкнула Тимошу.

— Ты не плохая. Ты сделала плохо. Это разное. — Свет подлетел ближе. — Посмотри в огонь. Что там внутри?

Соня всмотрелась. В огоньке было видно открытку — рассвет, окно, тысяча окошек. А за открыткой — мама, очень уставшая, которая улыбается.

— Там мама, — удивилась Соня.

— Вот что твой огонь защищал. Не бумагу. Твою любовь к маме, которую ты неделю рисовала. Огонь вспыхнул, потому что тебе было очень-очень важно.

— Но я же толкнула...

— Огонь не знает, куда ему бить. Это знаешь ты. Можно бросить его в того, кто рядом. А можно держать его вот так — на ладони, как сейчас — и сказать словами: «Мне было важно. Мне больно».

Огоньки на её ладонях стали тише и теплее.

— А Тимоша? — спросила Соня. — У него тоже есть огонь?

— Посмотри.

Рядом в темноте появился огонёк — совсем крошечный, синий, как Тимошины каракули.

— Это его, — сказала звёздочка. — Он видел, как ты неделю что-то рисуешь для мамы, и ему тоже захотелось ей подарить. Он не знал, что рисует на твоём. Он думал, что рисует вместе с тобой.

Соня смотрела на синий огонёк, и ей стало так жалко брата, что зашипало в носу.

— Он не хотел испортить.

— Он хотел быть как ты, — сказала звёздочка. — Младшие всегда так. Они смотрят на тебя и повторяют. И хорошее, и плохое.

— Ты проснулась чуть больше, — сказал свет.

* * *

Когда Соня открыла глаза, рядом на полу сидела мама. Она ничего не говорила. Просто сидела, прислонившись к кровати, — и Соня поняла, что мама сидит так уже давно.

Соня уткнулась ей в плечо и заплакала.

Мама взяла её руки в свои. Руки были тёплые, как всегда.

— Ты очень сильно рассердилась, — сказала мама. — Тебе было обидно. Ты так старалась.

— Я толкнула Тимошу. Он ударился.

— Ударился, — кивнула мама. — Я посмотрела: шишки нет, он уже смеётся. Но испугался он сильно.

— Мам, я не хотела. Оно само.

— Я знаю, как это — само, — сказала мама. — У меня тоже бывает огонь. Знаешь, когда? Когда на работе кто-то кричит на маму, которая рожает. Я тогда тоже горю. Но там нельзя толкать. Там я говорю очень тихо и очень твёрдо: «Здесь так нельзя». — Мама помолчала. — Твой огонь — не плохой. Он значит, что тебе важно. Просто ему нужна дорога, чтобы не попадать в Тимошу.

— А как дать ему дорогу?

— Сначала вдох. Потом слова. А если слов нет — можно выйти, хлопнуть подушкой, побегать. Огню нужно куда-то деться. Только не в людей.

— А открытка? — Соня всхлипнула. — Её же не спасти.

Мама взяла испорченную открытку, долго на неё смотрела. А потом улыбнулась.

— Знаешь, я её сохранию. Тут рассвет, который нарисовала моя дочка, и каракули, которые нарисовал мой сын. Это открытка от вас двоих. Такой больше ни у кого нет.

* * *

Соня вышла в коридор. Тимоша строил гараж из кубиков и, увидев её, на всякий случай отодвинулся.

Соня села рядом. Сделала вдох.

— Тимоша. Прости, что я тебя толкнула. Я очень рассердилась. Мне было важно, потому что это был подарок маме. Мои рисунки — трогать нельзя. Но если хочешь рисовать маме — давай вместе.

Тимоша подумал и кивнул. Они рисовали до обеда: Соня — новый рассвет, а Тимоша — синее солнце, которое, по его словам, «тоже бывает». Мама повесила оба рисунка на холодильник.

* * *

Вечером Соня полила горшок. Земля была тёплой от батареи под окном. Соня приложила к ней ладонь и подумала, что там, внутри, тоже сейчас что-то горит — тихо, чтобы расти.

Поговорим?

- *Что тебе было так важно, что ты вспыхнул(а)?*
- *Куда обычно летит твой огонь — в того, кто рядом, или внутрь тебя?*
- *Какая у твоего огня может быть безопасная дорога?*

Глава 4. Наклейка



У Сони был альбом с наклейками про морских животных. Сто двадцать мест — и Соня заполнила сто девятнадцать. Не хватало только одной: синего кита. Зато у неё было много повторок — их она хранила в отдельном конверте, и конверт был толстый. Соня любила его трогать: он был как маленькое богатство.

* * *

В понедельник Миша принёс в школу свой альбом. Такой же. Он заполнял его медленно — денег на наклейки ему давали мало, — и у него было пустых мест много. На перемене он робко подошёл к Соне.

— У тебя есть морской конёк в повторках? Мне только его надо для целой страницы.

Морской конёк у Сони был. Даже два. Она знала это точно, потому что пересчитывала конверт каждый вечер.

— Нет, — сказала она. — Не знаю. Наверное, нет.

Миша кивнул и ушёл, не споря. Он всегда уходил, не споря.

Вечером Соня высыпала конверт на кровать. Повторки разлетелись по одеялу: три дельфина, четыре черепахи, два морских конька, осьминог. Она разложила их рядами и пересчитала. Двадцать шесть. Целое богатство. Ей стало приятно — и почему-то неловко. Она быстро собрала всё обратно, засунула конверт под подушку и легла сверху. Как будто кто-то мог войти и отнять.

А после уроков случилось вот что. Лиза — у которой было всего много — достала из рюкзака синего кита. Повторку.

— Хочешь? — спросила она Соню. — Мне не жалко.

Соня схватила кита так быстро, будто его могли отнять. Сто двадцать из ста двадцати! Альбом был полный. Она весь вечер листала его, гладила страницы. А потом закрыла — и вдруг поняла, что больше с ним делать нечего. Он полный. Он просто лежит.

Конверт с повторками лежал рядом, толстый. В нём было два морских конька.

* * *

Ночью Соня оказалась в комнате, где было много-много коробок. Они стояли до потолка, и все были подписаны: «Моё». В комнате было темно и душно, и никого, кроме неё.

— Что это? — спросила она.

— Это комната, в которой всё твоё, — сказала звёздочка. — Здесь можно хранить всё, что захочешь. Никто не возьмёт.

— А почему так темно?

— Потому что сюда никто не приходит. Сюда нельзя никого пускать: вдруг что-нибудь возьмут.

Соне стало страшно и тоскливо.

— Я не хочу тут быть одна.

— Тогда открой одну коробку, — сказала звёздочка. — Любую.

Соня открыла ближайшую. Внутри лежал маленький морской конёк. И как только она взяла его в руку, в стене комнаты появилось окно, и в окно заглянул свет. За окном стоял Миша и смотрел на неё.

— Видишь? — сказала звёздочка. — Каждая вещь, которую ты отдаёшь, — это окно. Чем больше держишь, тем темнее. Чем легче отдаёшь, тем больше света.

— Но если я всё отдам, у меня ничего не будет.

— У тебя будешь ты. И те, кто стоит за окнами. Это гораздо больше, чем коробки.

— А почему мне так хочется держать? — спросила Соня. — Я же Мишу люблю. Он хороший.

— А чего ты боишься, когда держишь?

Соня задумалась. И вдруг поняла: она боится, что если отдаст, то в следующий раз не будет. Что наклейки кончатся. Что у Миши будет больше, чем у неё. Что её перестанут считать богатой.

— Что мне не хватит, — тихо сказала она.

— Это самый старый страх на свете, — сказала звёздочка. — Он живёт в самом низу, в зерне. Его не надо стыдиться. Его надо просто увидеть. Когда видишь страх — он становится меньше коробок.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка, и Соня проснулась.

* * *

В субботу они поехали к бабушке Нине за реку. Бабушка встретила их у калитки в старой фуфайке, пахнувшей дымом и мёдом, и сразу накормила блинами — сначала, а уж потом обо всём спрашивала.

После обеда Соня помогала ей перебирать яблоки в погребе. Хорошие — в ящик, побитые — на варенье. Бабушка работала быстро и всё время откладывала какие-то яблоки в отдельную корзинку.

— А эти куда?

— Эти — Петровне, соседке. У неё сад в этом году не уродил. Эти — Колькиным ребятам, их там пятеро. А эти — вам с собой.

— А себе?

— А себе — сколько съем. Остальное сгниёт, если держать.

Соня помолчала.

— Бабушка, а ты жадной когда-нибудь была?

Бабушка засмеялась и села на перевёрнутый ящик.

— Ещё какой. Знаешь, когда я была маленькая, у нас в семье было шесть детей и очень мало еды. Мне один раз дали целую конфету — настоящую, в бумажке. И я её спрятала под половицу. Каждый день проверяла: на месте ли. Есть боялась — вдруг больше никогда не дадут. — Бабушка покачала головой. — А через месяц достала, а её мыши съели. Одна бумажка осталась.

— И что ты сделала?

— Плакала. А мама моя, твоя прабабушка, сказала: «Нинка, то, что съели вместе, — то и твоё. А то, что спрятала, — то мышьино». — Бабушка обняла Соню одной рукой и прижала к фуфайке. — С тех пор я всегда делю. И знаешь — мне всегда хватает.

Соня рассказала ей про Мишу и двух коньков. Бабушка не стала ругать. Она только спросила:

— А тебе сейчас как с этими коньками? Радостно?

— Нет, — честно сказала Соня. — Тяжело.

— Ну вот. Ты сама и ответила.

* * *

В понедельник Соня пришла в школу раньше всех. Когда Миша сел за парту, на его альбоме лежал конверт. В нём было два морских конька — на случай, если один помнётся, — и ещё восемь повторок, которых у Миши не было.

Миша долго смотрел на конверт. Потом на Соню.

— Это мне?

— Тебе. Прости, что я сказала, что у меня нет. У меня было.

Миша ничего не ответил. Он открыл альбом и стал клеить — медленно, аккуратно, высунив кончик языка. А Соня смотрела и думала, что её полный альбом никогда не радовал её так, как этот Мишин, ещё неполный.

* * *

Вечером Соня полила горшок и поставила рядом бабушкино яблоко — красное, с бочком. Пусть земле будет не одиноко.

Поговорим?

- *Есть ли у тебя вещь, которую тебе жалко дать даже другу? Почему?*
- *Что ты почувствовал(а), когда в последний раз чем-то поделился(-ась) от души?*
- *Что лежит у тебя «под половицей» — и не пора ли его достать?*

Глава 5. Птичка



Анна Сергеевна задала нарисовать родословное дерево. Дома, с родителями. «Чем больше веток, тем лучше», — сказала она.

У Лизы дерево было уже готово: она показывала его на перемене. Там были прабабушки, прадедушки и даже какой-то граф — Лизина мама нашла в интернете. У Миши дерево было маленьким, но аккуратным, с фотографиями.

А Соня знала только бабушку Нину. Про папиного папу говорили, что он «уехал на Север и не вернулся», и больше ничего. А про мамино папу не говорили совсем.

Соня смотрела на Лизино дерево с графом и чувствовала, как горят уши. У неё не было графа. У неё не было даже прабабушек. Как будто её семья начиналась пять минут назад — с мамы и папы — и дальше была пустота. Лиза спросила: «А у тебя кто там?» Соня сказала: «Я ещё не нарисовала». И весь день думала, что, наверное, у неё какая-то неправильная семья, раз о ней нечего рассказать.

* * *

Вечером Соня села с мамой за кухонный стол и разложила лист.

— Мам, а как звали твоего папу?

Мама на секунду замерла с полотенцем в руках.

— Александр. Саша.

— А кем он был?

— Лётчиком.

— А где он сейчас?

Мама повесила полотенце, налила себе чаю и долго размешивала сахар, которого не клала.

— Он умер, Сонечка. За год до того, как ты родилась.

— А почему ты никогда про него не рассказываешь?

Мама не ответила. Она встала, сказала «давай завтра» и ушла в ванную. Соня слышала, как там долго-долго шумит вода.

Соне стало не по себе. Она тихонько пошла в родительскую комнату, открыла шкаф и на верхней полке, за одеялами, нашла старую деревянную коробку — она давно знала, что она там, но никогда не открывала. Внутри лежал кожаный планшет с пожелтевшими картами, значок с крыльями, фотография молодого мужчины в лётном шлеме — и маленькая деревянная птичка. Вырезанная ножом, гладкая, с раскинутыми крыльями.

* * *

Ночью Соня летела.

Внизу проплывали поля, река, их город — маленький, как игрушечный. Она сидела в кабине самолёта, а рядом за штурвалом был человек с фотографии. Только живой, с весёлыми морщинками у глаз.

— Не бойся, — сказал он. — Высоты не надо бояться. Надо её уважать.

— Вы дедушка Саша?

— Похоже, что так.

Тут Соня увидела звёздочку — она светила на приборной доске, как маленькая лампочка.

— Это его голос живёт в твоей маме, — сказала звёздочка. — Когда она говорит тебе «не бойся» — это он. Когда она не ложится после смены и жарит сырники — это его упрямство. А когда ты не боишься задавать вопросы — это тоже он. Он всю жизнь спрашивал «почему».

— Почему мама о нём не говорит?

— Потому что ей до сих пор больно. Иногда люди молчат не потому, что забыли, а потому, что слишком помнят.

Дедушка Саша посмотрел на Соню и улыбнулся.

— Передай ей птичку, — сказал он. — Я вырезал её, когда Верочке было пять и она боялась летать. Я сказал ей: «Пока птичка с тобой, ты не упадёшь».

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

Утром Соня пришла на кухню и молча положила на стол деревянную птичку.

Мама посмотрела на неё — и села. Прямо на табуретку, медленно, как будто ноги перестали держать. Взяла птичку в ладони.

— Где ты её нашла?

— В коробке. Прости, что без спроса.

Мама долго молчала. А потом заплакала — не громко, тихо, как плачут, когда что-то отпускает. Соня подошла и обняла её сзади, за шею. Так они и сидели. Тимоша вышел, посмотрел на них, подумал и тоже обнял маму — за коленку.

— Он вырезал её, когда мне было пять, — наконец сказала мама. — Я боялась летать на самолёте, а он сказал...

— «Пока птичка с тобой, ты не упадёшь», — тихо сказала Соня.

Мама обернулась и посмотрела на неё так, будто увидела в первый раз.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Просто знаю.

Мама прижала её к себе. И весь вечер — впервые — рассказывала. Как дедушка Саша возил её на аэродром и разрешал сидеть в кабине. Как он смеялся так громко, что оборачивалась вся улица. Как умел чинить что угодно — «вот почему я вышла за твоего папу», — засмеялась мама сквозь слёзы. Как он ждал внуков и не дождался полгода.

— Он бы тебя очень любил, — сказала мама. — Вы с ним похожи. Он тоже всё время спрашивал «почему».

— Мам, а почему ты так долго молчала?

Мама вздохнула и погладила птичку пальцем, как живую.

— Потому что, когда говоришь о человеке, которого нет, он как будто снова уходит. Мне казалось, если молчать, будет не так больно. — Она покачала головой. — А сегодня я поняла, что наоборот. Когда молчишь, он уходит совсем. А когда рассказываешь — возвращается. Вот сейчас он сидит с нами на кухне. Я его чувствую.

Соня посмотрела на пустой стул у окна. Ей тоже показалось, что там кто-то сидит. Не страшно. Тепло.

* * *

Соня нарисовала дерево. Огромное, через весь лист. Внизу, в корнях, — дедушка Саша в лётном шлеме и рядом маленькая птичка. Бабушка Нина с ульем. Папин папа с подписью «уехал на Север» и знаком вопроса. Мама, папа. А на самой верхней ветке — она и Тимоша.

А потом позвонила бабушке Нине:

— Бабушка, расскажи мне про дедушку, который уехал на Север.

Бабушка помолчала в трубке и сказала:

— Приезжай в субботу. Это долгая история. И хорошая, хоть и грустная.

В понедельник Соня повесила своё дерево на доске рядом с Лизиним. У Лизы был граф. У Сони — лётчик в шлеме и маленькая деревянная птичка, нарисованная в корнях. Анна Сергеевна долго смотрела на птичку.

— А это что?

— Это дедушка вырезал маме, когда она боялась летать, — сказала Соня. — Он говорил: «Пока птичка с тобой, ты не упадёшь».

В классе стало тихо. А Лиза потом подошла и сказала шёпотом: «У меня граф из интернета. А у тебя — настоящий».

* * *

Вечером мама принесла деревянную птичку и поставила её на подоконник — рядом с горшком.

— Пусть смотрит, как растёт, — сказала она.

Поговорим?

- *Как звали твоих прабабушек и прадедушек? Кого можно спросить?*
- *Какая вещь в твоей семье хранит чью-то историю?*
- *Что в тебе от мамы, от папы, от бабушки — и что только твоё?*

Глава 6. Тени



В классе пропал Лизин телефон. Новый, розовый, с ушками на чехле.

Лиза плакала на всю перемену. Анна Сергеевна обыскала класс, но телефона не нашла.

— Это Егор, — шёпотом сказал кто-то. — Он сегодня в раздевалке был один.

И сразу все вспомнили: Егор — тот, кто толкается. Егор — тот, кто сломал Мише очки в сентябре. Егор — тот, кто ходит в одной и той же куртке с дырой на локте, и у которого «дома такое творится». У Егора не было телефона — значит, захотел. Всё складывалось.

* * *

Соня тоже поверила. Она даже не заметила, когда — просто к концу дня это стало правдой. Когда Егор подошёл к питьевому фонтанчику, Соня громко сказала Лизе:

— Не стой рядом, а то ещё что-нибудь пропадёт.

Все засмеялись. Егор обернулся. Он ничего не сказал, только посмотрел на Соню — долго, тяжело. А потом ушёл и до конца уроков сидел, отвернувшись к окну.

Дома Соня рассказала всё папе — гордо, как раскрытое преступление.

А вечером Тимоша, играя на ковре, вдруг сказал машинке: «Ты Егор! Ты вор!» — и ударил её о шкаф. Соня вздрогнула. Тимоша Егора даже не видел ни разу. Он просто услышал, как она рассказывала маме по телефону. И повторил. Как попугай. Соне стало неприятно, но она не поняла почему.

— Ты видела, как он брал? — спросил папа.

— Нет. Но все говорят.

— А сколько из этих «всех» видели?

Соня открыла рот — и закрыла.

* * *

Ночью она оказалась в школьном спортзале. Свет был выключен, только в углу горел один прожектор. На белой стене двигалась огромная тень — с рогами, с когтями, с раскрытой пастью. Соня отшатнулась.

— Не бойся, — сказала звёздочка. — Повернись.

Соня обернулась. Перед прожектором стоял Тимоша и, высунув язык от старания, складывал пальцы так, чтобы на стене получился зверь. Он помахал ей — и тень на стене страшно взмахнула когтистой лапой.

Соня засмеялась.

— Это же Тимоша!

— А ты чуть не убежала, — сказала звёздочка. — Так бывает с людьми. Мы видим тень — и придумываем, кто её отбрасывает. Тень от одного случая, тень от чужих слов, тень от куртки с дырой. А человека не видим.

На стене появилась новая тень: мальчик, который что-то прячет за спиной. Соня сразу узнала Егора.

— Вот видишь, — прошептала она. — Он прячет телефон.

— Повернись, — снова сказала звёздочка.

Соня обернулась. Егор стоял у прожектора и держал за спиной пакет. В пакете был хлеб, пачка дешёвых макарон и детское пюре. Он прятал его не от воров. Он прятал его от класса, чтобы никто не увидел, что он сам покупает еду домой — для маленькой сестры.

Соне стало так стыдно, что она зажмурилась.

— Почему я сразу поверила? — прошептала она. — Я же ничего не видела.

— А как ты думаешь? — сказала звёздочка. — Ум не любит пустых мест. Если он чего-то не знает, он дорисовывает. Из куртки с дырой, из чужих слов, из одного случая в сентябре. Дорисовывает и сразу верит, что это правда. Так быстрее и спокойнее, чем сказать «я не знаю».

— А как его остановить?

— Не остановить. Поймать. Сказать себе: «Стоп. Это я видела — или это я дорисовала?»
Если дорисовала — обернуться. Посмотреть, кто на самом деле стоит у костра.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка тихо.

* * *

Утром папа повёз её в школу на старой машине. По дороге Соня молчала, а потом сказала:

— Пап, я, кажется, сделала гадость.

Папа включил поворотник, остановился у обочины и выключил двигатель. Он всегда так делал, когда разговор был важный.

— Рассказывай.

Соня рассказала. И про «не стой рядом», и про то, как все смеялись, и про тяжёлый взгляд Егора.

Папа слушал, не перебивая. Потом сказал:

— Знаешь, когда мне было двенадцать, в нашем дворе у соседа угнали велосипед. И весь двор решил, что это я. Потому что я вечно что-то разбирал и собирал. Две недели со мной никто не разговаривал. А потом велосипед нашёлся: его сосед сам забыл у бабушки на даче.

— Папа помолчал. — Извинился передо мной только один человек. Я его помню до сих пор. Остальных — нет.

— Мне очень стыдно, — прошептала Соня.

Папа положил ей на голову свою большую тёплую ладонь.

— Стыдно — это хорошо. Значит, ты видишь. Плохо, когда не стыдно. Что будешь делать?

— Извинюсь.

— При всех?

Соня сглотнула.

— При всех. Я же при всех и сказала.

Папа кивнул, завёл двигатель, но не поехал сразу.

— Знаешь, что самое трудное в извинении? — сказал он. — Не слова. А то, что после них ты стоишь и не знаешь, что тебе ответят. Могут не простить. Могут засмеяться. — Он посмотрел на неё в зеркало. — Но ты извиняешься не для того, чтобы тебя простили. А для того, чтобы сказать правду. Остальное — уже его дело.

— А если он меня ударит?

— Не ударит, — сказал папа. — Он сам знает, каково это, когда на тебя все смотрят.

* * *

В классе её ждала новость: телефон нашёлся. Лизина мама позвонила утром — он был дома, завалился за диван.

Все сразу заговорили о другом, будто ничего не было. Только Егор сидел у окна, как вчера.

Соня встала. Сердце стучало так, что было слышно в ушах.

— Егор, — сказала она громко. — Прости меня. Я вчера сказала про тебя гадость. Я ничего не видела, а поверила тому, что говорили. Это было нечестно.

В классе стало тихо. Егор медленно повернулся. Он смотрел на неё недоверчиво, как смотрят, когда ждут подвоха. Подвоха не было.

— Ладно, — буркнул он наконец.

И отвернулся к окну. Но Соня успела заметить, что у него покраснели уши.

После уроков Миша догнал её у раздевалки.

— Ты смелая, — сказал он. — Я тоже думал, что это он. Только вслух не говорил.

— Думать — это тоже тень, — сказала Соня. — Просто тихая.

* * *

Вечером Соня полила горшок и долго смотрела на землю. Под ней ничего не было видно. Но теперь Соня знала: то, чего не видно, ещё не значит, что его нет.

Поговорим?

- *Бывало ли, что ты поверил(а) слуху про человека, а потом оказалось, что всё не так?*
- *Что ты знаешь о людях вокруг себя наверняка, а что только по теням?*
- *Перед кем тебе стоит извиниться — даже если это трудно?*

Глава 7. Медаль



Соня победила.

На городском конкурсе детского рисунка «Моя семья» её работа заняла первое место. Та самая — рассвет над рекой, окно роддома и тысяча окошек. Только новая, нарисованная после Тимошиных каракулей ещё старательнее.

Медаль вручали в библиотеке. Тяжёлая, блестящая, на синей ленте. Соню сфотографировали для городской газеты. Мама плакала, папа свистел в два пальца, Тимоша кричал «это моя сестра!», а Анна Сергеевна сказала при всех: «Я всегда знала, что Соня — талант».

* * *

В понедельник Соня пришла в школу с медалью на шее.

Сначала всё было прекрасно. Все подходили, трогали ленту, просили поддержать. Лиза ахала. Даже Егор посмотрел через плечо.

К середине дня Соня заметила, что ей нравится, когда смотрят. Очень нравится. И когда смотреть переставали, ей становилось чуть-чуть пусто — и хотелось, чтобы посмотрели снова.

На рисовании Миша показал ей свою работу.

— Как думаешь, нормально? Я хочу на следующий конкурс.

Соня глянула и пожала плечами.

— Ну, так себе. Перспектива кривая. У меня бы лучше получилось.

Миша закрыл альбом и больше в тот день к ней не подходил.

А после уроков Лиза позвала её на горку.

— Не могу, — сказала Соня. — Мне надо готовиться. У меня теперь ответственность.

Лиза посмотрела на неё странно и ушла с другими девочками. Соня шла домой одна. Медаль подпрыгивала на груди и стучала в ключицу.

Дома она повесила медаль на зеркало и долго смотрела на себя. Девочка в зеркале была победительница. Но почему-то грустная. Соня попробовала улыбнуться — получилось криво. Вечером мама спросила, как прошёл день. Соня сказала: «Все мне завидуют». Мама ничего не ответила. Только внимательно посмотрела — так, как смотрела, когда у Сони была температура.

* * *

Ночью Соня оказалась на берегу моря. Того самого, которого она никогда не видела. Песок был тёплый, а перед ней стоял огромный замок — с башнями, флагами и надписью на воротах: «Соня — победитель».

Вокруг замка толпились люди и хлопали. Соне было приятно. Она построила ещё одну башню — и захлопали громче. Ещё одну — и ещё громче.

— Красиво, — сказала звёздочка. — А где твои друзья?

Соня огляделась. Лизы не было. Миши не было. Были только чужие люди, которые хлопали и уходили. Хлопали и уходили.

И тут пришла волна. Небольшая, но замок осел, башни поплыли, надпись на воротах размыло. Люди разошлись. Соня осталась одна на мокром песке.

— Где все? — спросила она.

— Зрители всегда уходят, — сказала звёздочка. — Они приходят смотреть на замок, а не на тебя.

— Но я же правда хорошо нарисовала!

— Правда. И это умение никуда не денется — его не смоем никакая волна. Смывает только то, что ты построила для чужих глаз: «я лучше Миши», «у меня теперь ответственность». А друзья приходят не к замку. Они приходят к тебе.

Соня села на мокрый песок и заплакала.

— Я же правда старалась, — всхлипнула она. — Неделью рисовала. Почему так?

— Посмотри на свои руки, — сказала звёздочка.

Соня посмотрела. Руки были перепачканы песком — и красками. Теми самыми, которыми она рисовала рассвет для мамы.

— Вот что осталось, — сказала звёздочка. — Умение. Его не смоешь. Оно твоё навсегда. А замок ты построила из «я лучше» — и он растаял. Ты можешь гордиться рисунком. Только не надо строить из него стену между собой и другими.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

В субботу Соня сидела в папиной мастерской и смотрела, как он паяет. Медаль лежала у неё в кармане. Она её уже не носила — но и выложить не могла.

Папа закончил, выключил паяльник и, не говоря ни слова, полез на верхнюю полку. Достал оттуда жестяную коробку из-под печенья, сдул пыль и открыл. Внутри лежали медали. Штук шесть. Потускневшие, на выцветших лентах.

— Это твои? — ахнула Соня.

— Мои. Чемпион области по радиоспорту среди юношей. Два раза. — Папа повертел одну в пальцах. — Знаешь, сколько я с ними носился? Всем показывал. Другим надоело так, что они перестали со мной ходить на речку. Я думал, они завидуют.

— А они?

— А им просто было скучно с человеком, который говорит только о себе. — Папа засмеялся. — Я это понял, только когда остался совсем один со своими медалями. Сидел в комнате и думал: ну вот, я чемпион. А играть не с кем.

Он положил медаль обратно и закрыл коробку.

— Медаль ничего не помнит, Соня. Она не помнит, как я паял ночами, как учитель оставался со мной после занятий. Помню только я. И помнят те, кто был рядом.

Соня молча достала из кармана свою медаль. Папа не сказал «я же говорил». Он просто подвинулся на ящике и обнял её за плечи, и они вместе посмотрели на синюю ленту.

— Красивая, — сказал папа. — Заслуженная. Положи её туда, где она будет тебе напоминать, как ты умеешь. А не тем, кто смотрит, как ты лучше всех.

* * *

В понедельник Соня подошла к Мише.

— Покажи ещё раз свой рисунок. Я тогда соврала, что так себе. Мне просто хотелось быть лучше.

Миша недоверчиво открыл альбом. Рисунок был хороший — правда хороший, только небо слишком тёмное.

— Можно я покажу, как я делаю небо? Мне Анна Сергеевна в прошлом году показала.

Они сидели над альбомом всю большую перемену. А на горку после уроков пошли втроём — Соня, Миша и Лиза. Соня скатилась первой, шлёпнулась в снег, и ей было смешно. Никто на неё не смотрел. И это было прекрасно.

Вечером Миша прислал ей фотографию своего рисунка — того, с небом. Небо было теперь светлым, с розовыми облаками, как она показывала. Внизу он подписал: «Спасибо, учитель». Соня засмеялась. Ей было в сто раз приятнее, чем когда ей вручали медаль.

* * *

Медаль Соня повесила дома на гвоздик над столом. Не на самое видное место. Рядом с горшком, чтобы она видела, как растёт то, чего пока не видно.

Поговорим?

- *Бывало ли, что похвала так тебя радовала, что ты забывал(а) о других?*
- *Что ты делаешь, даже когда никто не смотрит?*
- *Кому ты можешь сказать спасибо за свою последнюю победу?*

Глава 8. Мало



Лиза вернулась с каникул загорелая и с новым телефоном. Не тем, что потерялся за диваном, — ещё новее, с тремя камерами. А ещё у неё были новые кроссовки, которые светились, когда идёшь, и фотографии с моря. Настоящего моря.

— Смотри, это я с дельфином, — показывала Лиза. — А это мы на корабле. А это папа купил мне браслет на рынке.

Соня смотрела и улыбалась. Но внутри с каждой фотографией что-то сжималось.

* * *

Домой она пришла и сразу увидела свои кроссовки в прихожей — старые, со стёртыми носами. Телефон — мамин, старый, с трещиной, который дали ей «только для звонков». И море — на картинке в книжке.

— Мам, почему у Лизы всё есть, а у меня ничего?

Мама резала лук и не обернулась.

— Ничего?

— Ничего! У неё телефон, кроссовки, море. А у меня даже нормального телефона нет!

— А что у тебя есть? — спросила мама спокойно.

— Ни-че-го!

Мама положила нож. Но ничего не сказала. Только посмотрела на Соню долго-долго. И Соне почему-то от этого взгляда стало ещё хуже.

Весь вечер она ходила как в тумане. Ей ничего не нравилось: ни ужин, ни мультики, ни Тимоша, который принёс ей свою лучшую машинку. Внутри сидело что-то, что шептало: «Мало. Мало. Мало».

Перед сном Соня открыла Лизины фотографии ещё раз. Лиза у моря. Лиза на корабле. Лиза с браслетом. Она листала их снова и снова, и каждый раз внутри становилось чуть темнее. Она знала, что надо перестать — и не могла. Как будто пальцы листали сами. Потом она посмотрела на свою комнату: обои с выцветшими цветами, старый шкаф, горшок, в котором ничего не видно. Всё показалось ей серым и бедным. Даже горшок. Даже птичка.

* * *

Ночью она стояла на берегу. Перед ней было море — серое, огромное. В руке у неё было ведёрко.

— Наполни его, — сказала звёздочка.

Соня зачерпнула воды. Но ведёрко оказалось без дна — вода сразу вытекла. Она зачерпнула ещё. И ещё. Вода вытекала, а внутри шептало: «Мало, мало, мало».

— Оно дырявое! — крикнула Соня.

— Это ведро «мало», — сказала звёздочка. — Сколько ни лей — не наполнишь. Хоть всё море в него вылей. Дырка не в ведре. Дырка в том, куда ты смотришь.

— А куда надо смотреть?

— Посмотри себе под ноги.

Соня посмотрела. У самых её ног, в песке, лежала обычная глиняная кружка — простая, с отбитой ручкой. Соня подняла её и зачерпнула воды. Вода осталась. Кружка была полная.

— Видишь? Её хватает, чтобы напиться. Просто ты её не замечала, потому что смотрела на море.

— Но море больше.

— Море не выпьешь, — улыбнулась звёздочка. — А кружку — можно. И сейчас тебе этого хватает.

Соня пила из кружки. Вода была прохладная и чуть сладкая. Она пила медленно — и вдруг заметила, что жажды больше нет. Совсем.

— Почему с ведром так не получалось? — спросила она.

— Потому что ведро смотрело на море. А кружка — на тебя. Когда смотришь на тех, у кого больше, всегда мало. Когда смотришь на то, что держишь в руках, — хватает.

— Но я же всё равно хочу на море.

— Хоти, — засмеялась звёздочка. — Хотеть — хорошо. Только не надо из-за моря выливать кружку.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

Мама разбудила её в одиннадцать вечера — она уходила на смену и зашла попрощаться. Соня проснулась и, ещё сонная, обняла её за шею.

— Мам, прости, что я сказала «ничего».

Мама присела на край кровати. Поправила одеяло. Положила тёплую ладонь Соне на щёку.

— Знаешь, кому я сегодня позавидовала? — сказала она вдруг.

— Ты? Кому?

— Одной маме в роддоме. Ей муж принёс огромный букет и шарики. А мне папа сегодня даже позвонить не успел — у него весь день мастерская. И мне стало так обидно. — Мама улыбнулась. — А потом я пришла домой, а на плите стоит суп. Папа сварил, пока меня не было. Пересоленный, но сварил.

Соня засмеялась.

— У нас с бабушкой была игра, — сказала мама. — Когда мне было плохо, она просила назвать три «спасибо». Три вещи за день, за которые спасибо. Даже маленькие. Давай?

Соня подумала.

— Спасибо, что ты пришла меня поцеловать перед сменой.

— Раз.

— Спасибо, что Тимоша отдал мне свою лучшую машинку. Я на него ещё накричала.

— Два.

Соня помолчала.

— Спасибо, что у меня есть ты.

Мама ничего не сказала. Соня почувствовала, как у неё дрогнули плечи. Мама, которая принимала на свет детей и никогда не плакала на работе, сидела на краю кровати и вытирала глаза рукавом.

— Это лучшее «спасибо», которое мне говорили, — наконец прошептала она. Она просто прижала Соню к себе крепко-крепко и посидела так. А потом ушла. В коридоре щёлкнул замок, и в квартире стало тихо. Но не пусто.

* * *

Утром Соня написала Лизе сообщение. Долго подбирала слова, стирала и писала снова. Получилось так: «Лиза, у тебя очень красивые фотографии с моря. Я рада, что ты увидела дельфина. Расскажешь мне про него?»

Лиза ответила через минуту целой стеной сердечек. А на перемене рассказывала про дельфина так долго, что они опоздали на урок. И Соня почувствовала странное: будто она тоже немножко побывала на море.

После уроков Лиза вдруг сняла с руки браслет — тот самый, с рынка у моря, с синими бусинками.

— Держи. У меня их два. Пусть у тебя тоже будет кусочек моря.

Соня хотела отказаться. А потом вспомнила кружку и ведро и просто сказала:

— Спасибо.

Дома она положила браслет в коробочку на подоконнике, рядом с горшком. Первая вещь для её будущего моря. Не купленная. Подаренная.

А вечером, перед сном, она сама, без мамы, назвала три «спасибо». И уснула раньше, чем досчитала до третьего.

* * *

На подоконнике стоял горшок. Земля, деревянная птичка, медаль на гвоздике. Соня посмотрела на всё это и подумала: «У меня много». Земля была тёмная и молчаливая. Но в ней уже кто-то дышал.

Поговорим?

- *Бывало ли, что новая вещь переставала тебя радовать, когда ты видел(а) лучшую у другого?*
- *Назови три «спасибо» за сегодня. Даже маленьких.*
- *Кому ты можешь сегодня от души сказать: «Я рад(а) за тебя»?*

Глава 9. Мёд



Бабушка Нина откачивала мёд — последний в этом году. Соня приехала к ней на все выходные одна, без родителей: впервые. Она сидела в летней кухне и смотрела, как густая золотая струйка течёт из медогонки в бидон. Пахло так, что кружилась голова.

— Можно попробовать?

— Можно, — сказала бабушка и дала ей ложку.

* * *

Мёд был невероятный. Тёплый, тягучий, с запахом всех цветов сразу. Соня съела ложку. Потом ещё. Бабушка вышла во двор к ульям, и Соня, оставшись одна, ела дальше — прямо из миски, куда стекали капли. Ложку за ложкой. Ей казалось, что если остановиться, это чудо кончится.

К обеду её затошнило. Голова гудела, в животе было тяжело и липко. Она лежала на бабушкиной кровати с периной и смотрела в потолок. Мёд, который час назад был самым вкусным на свете, теперь вспоминался с отвращением.

Бабушка заглянула в комнату, посмотрела на бледную внучку, на пустую миску у кровати — и всё поняла без слов. Она принесла тазик, мокрое полотенце на лоб и тёплую воду. Не ругала. Только села рядом и гладила по спине, пока Соню не перестало мутить. Потом укрыла пуховым платком.

— Поспи, медовая, — сказала она. — Утро вечера мудренее.

Соня лежала и думала: как же так? Самое вкусное — и стало самым противным. Значит, вкусное не бывает вкусным всегда? Значит, у вкусного есть край, за которым начинается плохо? Она никогда раньше об этом не думала.

* * *

Ночью она оказалась в саду. Летнем, хотя за окном была поздняя осень. Цветы стояли высокие, яркие, и над ними кружились пчёлы. А посреди сада стояло корыто с мёдом, и в нём барахталась муха.

— Ей помочь? — спросила Соня.

— Ей уже трудно помочь, — сказала звёздочка. — Посмотри лучше на пчёл.

Соня смотрела. Пчела садилась на цветок — на секунду, не больше — и летела к следующему. С каждого брала совсем чуть-чуть.

— Почему она так мало берёт?

— Потому что она знает: сад никуда не денется. Ей не надо съесть его весь сегодня. Ей надо принести домой столько, сколько нужно. И цветок после неё не становится беднее.

Соня помолчала.

— Я сегодня была мухой.

— Сегодня — да. А почему?

— Потому что... я боялась, что если остановлюсь, мёд кончится. И чуда больше не будет.

— А оно кончилось?

Соня подумала.

— Кончилось. Когда я объелась. Мёд остался, а чуда нет.

— Вот видишь. Чудо кончается не тогда, когда останавливаешься. А тогда, когда не можешь остановиться.

Соня смотрела на пчелу, которая перелетала с цветка на цветок, и думала. Пчела не боялась, что цветы кончатся. Она знала, что завтра они будут снова. И послезавтра. И следующим летом.

— Она доверяет саду, — сказала Соня вслух.

— А ты доверяешь? — спросила звёздочка.

Соня не ответила. Но в первый раз ей захотелось научиться.

— Сегодня — да, — согласилась звёздочка. — А ещё ты сегодня в первый раз заметила это сама, без меня. Помнишь, с чего всё начиналось?

И вдруг Соня увидела их все сразу — как картинки на стене. Себя в прихожей: «лучше бы я родилась у Лизиних родителей». Серые очки. Огонь в ладонях. Комнату с коробками «Моё». Деревянную птичку. Тень с рогами, за которой стоял Тимоша. Замок из песка. Дырявое ведро.

— Это всё я? — прошептала она.

— Это всё ты. Девять шагов. Ты прошла первую часть пути. Ты научилась замечать свои порывы — до того, как они сделают что-то за тебя. Это и есть зерно. Оно пока в земле. Но оно живое.

— А что дальше?

— Дальше зерно пустит корень. Корень тянется к влаге — к тому, чего хочется. Ты будешь учиться понимать, чего ты хочешь на самом деле. — Звёздочка засветилась теплее. — Но об этом в следующий раз.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала она.

* * *

Утром бабушка принесла ей чай с ромашкой и села на край кровати.

— Ну что, медовая, живот прошёл?

Соня кивнула и уткнулась ей в фуфайку.

— Бабушка, я так объелась. Я думала, если перестану, это всё кончится.

Бабушка засмеялась тихо, глядя её по голове.

— Я в детстве так варенья объелась, что потом пять лет на него смотреть не могла. — Она помолчала. — Знаешь, сколько мёда пчела делает за всю жизнь? Двенадцатую часть чайной ложечки. Целую жизнь летает — и капелька.

— Капелька?! — Соня даже села.

— Капелька. А ты вчера съела жизни сотен пчёл. — Бабушка подмигнула. — Потому мёд и едят по ложечке. Не потому что жалко. А из уважения. В каждой капле — чья-то работа и чьё-то лето.

Соня долго молчала.

— Бабушка, а можно я возьму маме баночку? Маленькую.

— Возьми большую. Только ешьте по ложечке.

Вечером, перед отъездом, они сидели на крыльце. Над садом садилось солнце, пахло дымом и яблоками. Бабушка накинула Соне на плечи свою фуфайку — огромную, тёплую, пахнущую мёдом.

— Бабушка, а как понять, что уже хватит? Вот я вчера не поняла.

Бабушка подумала.

— Слушай живот. Он всегда говорит, только тихо. Сначала — «вкусно». Потом — «хорошо». А потом — «спасибо, хватит». Вот на «спасибо» и останавливайся. Не на «больше не могу». — Она погладила Соню по голове. — И с мёдом так, и с мультиками, и с подарками. И со всем на свете.

— А если не услышу?

— Тогда объешься, — засмеялась бабушка. — И в следующий раз услышишь лучше. Так все учатся.

* * *

Перед отъездом Соня вышла в сад. Он был уже голый, осенний, только на старой яблоне висело одно последнее яблоко. Соня сорвала его и долго держала в руках. Потом откусила — медленно. Яблоко было холодное, кислое и сладкое сразу. Она съела его до половины и остановилась. Ей было хорошо. Вторую половину она отнесла бабушкиным курам.

* * *

Дома Соня первым делом побежала к подоконнику. Земля в горшке была сухая — её не поливали два дня. Соня полила её и, сама не зная зачем, приподняла горшок.

Внизу, в дырочке для воды, белела тонкая-тонкая ниточка. Живая. Корешок.

Соня замерла, а потом закричала на всю квартиру:

— Мама! Папа! Оно живое! Оно пустило корень!

Поговорим?

- *Бывало ли, что ты обедался(-ась) любимым, а потом не мог(ла) на него смотреть?*
- *Как понять, что тебе уже хватит?*
- *Какое удовольствие ты хочешь сегодня прожить медленно, как пчела?*

Часть вторая. Корень

Глава 10. Тишина



На день рождения Тимоши папа отдал Соне свой старый телефон — «не только для звонков, но и для мультиков, если в меру». Мера оказалась очень условной.

Через две недели Соня просыпалась, не открывая глаз, нащупывала телефон под подушкой и смотрела ролики. Про котов, про слаймы, про девочку, которая каждое утро показывала, что она надела. Ролики были короткие, и после каждого сразу начинался следующий. Соне казалось, что она отдыхает.

Раньше Тимоша по утрам забирался к ней в кровать, и они вдвоём придумывали, на что похожи облака за окном: на кита, на чайник, на бабушкину шаль. Теперь Соня говорила: «Подожди, досмотрю». Тимоша ждал, а потом уходил к себе.

* * *

Но к обеду у неё гудела голова. В школе она не могла дочитать страницу до конца: глаза бегали, мысли разлетались. Анна Сергеевна дважды делала ей замечание. А вечером, когда мама попросила её полить горшок, Соня огрызнулась:

— Потом! Я занята!

— Чем? — удивилась мама.

Соня открыла рот — и не смогла ответить. Она смотрела ролик про девочку, которая проверяла, сколько мармеладок поместится у неё во рту. Это было не «занята». Это было... никак.

Горшок стоял сухой третий день. На подоконнике рядом лежали фантики, носок, сломанный карандаш, раскрытая книжка обложкой вверх — та, которую Соня не могла дочитать уже месяц. Деревянная птичка упала набок, и никто её не поднял.

Днём Миша позвал её в библиотеку — там была выставка про китов. Соня написала «не могу, занята» и осталась на кровати. Она посмотрела сорок роликов подряд. Потом не могла вспомнить ни одного. Только помнила, что в одном девочка красила волосы в синий, а в другом кто-то падал с велосипеда. Или это было в одном и том же? Голова была как банка, в которую насыпали мелких пуговиц и трясут.

* * *

Ночью Соня оказалась в своей комнате — только очень странной. Со всех стен на неё смотрели экраны. Сотни. В каждом кто-то говорил, пел, смеялся, кричал, рекламировал. Шум стоял такой, что Соня зажала уши.

— Где я? — крикнула она. Но не услышала своего голоса.

Звёздочка была где-то здесь, Соня видела её свет, но не могла расслышать ни слова. Звёздочка что-то говорила, говорила — и всё тонуло в шуме.

Тогда Соня сделала единственное, что смогла придумать: подошла к ближайшему экрану и выключила его. Стало чуть тише. Выключила второй. Третий. Десятый. С каждым погасшим экраном в комнате становилось темнее, но тише. А голос звёздочки — громче.

Когда погас последний, наступила тишина. Такая глубокая, что Соня услышала, как бьётся её сердце. И услышала ещё что-то — тихое-тихое, как будто где-то под полом течёт ручей.

— Что это? — прошептала она.

— Это твой корень пьёт воду, — сказала звёздочка. — Он всё время пьёт. Просто за шумом его не слышно.

— А почему я тебя не слышала? — спросила Соня.

— Потому что я говорю тихо. Всё самое важное говорит тихо: мама, когда любит; сердце, когда хочет чего-то по-настоящему; ты сама, когда знаешь ответ. — Звёздочка помолчала. — Шум не злой. Он просто громче. А громкое всегда кажется важнее, хотя чаще всего это не так.

Соня слушала ручей под полом и своё сердце, и ей впервые за много дней ничего не хотелось включать.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка, и в тишине это прозвучало, как колокольчик.

* * *

В воскресенье мама не работала. Соня пришла к ней на кухню рано утром и, не говоря ни слова, положила на стол телефон.

Мама подняла брови.

— Мам, у меня в голове шумно. Как будто там все говорят сразу.

Мама не стала говорить «я же предупреждала». Она налила Соне какао, села рядом и укутала её в свой большой серый платок.

— Знаешь, у меня на работе есть «тихий час», — сказала она. — После тяжёлых родов я иду в маленькую комнату, где нет ни телефона, ни людей, и сижу десять минут. Просто сижу. Девочки думают, что я сплю. А я слушаю, как во мне всё успокаивается. Если не посидеть — потом ошибаюсь.

— Десять минут ничего не делать?

— Это не «ничего». Это как вода в стакане: если перестать трясти, муть оседает и видно дно.

Они помолчали. За окном каркала ворона. Соня вдруг поняла, что не слышала ворону уже очень давно — хотя она, наверное, каркала там каждый день.

— Мам, а новорождённым тоже нужна тишина?

— Очень, — сказала мама. — Они только пришли, им всё громко: свет, голоса, наши руки. Мы в палате выключаем верхний свет и говорим шёпотом. Иначе они плачут и не могут уснуть. — Мама поправила на Соне платок. — Знаешь, мне кажется, взрослые тоже так. Только разучились плакать, когда им слишком громко. Просто устают и не понимают почему.

— Давай вместе разберём твою комнату? — предложила мама. — Не всю. Только подоконник.

* * *

Они разбирали подоконник час. Фантики — в мусор. Носок — в стирку. Книжку — закрыть и положить на видное место. Птичку — поставить. Горшок — полить. Под горшком нашёлся засохший слайм, который Соня искала неделю.

А потом Соня сама придумала правило: на ночь телефон спит на кухне, в коробке из-под печенья. И утром она не берёт его, пока не польёт горшок.

Первое утро без телефона было странным. Руки сами тянулись к подушке. Соня встала, полила землю — и вдруг услышала за окном воробьёв. Целую стаю. Они ссорились на дереве так громко и смешно, что Соня засмеялась вслух. Мама, уже одетая на смену, выглянула из кухни: «Кто там так смеётся?» — «Воробьи, — сказала Соня. — Ругаются, кто первый сядет на ветку». Мама постояла рядом с ботинком в руке, послушала и тоже засмеялась. Оказалось, без телефона утро длиннее: Соня успела сама заплести косу, без спешки, и даже найти второй носок.

В школе она дочитала книжку до конца. Всю. Оказалось, там хорошо кончается.

* * *

Земля в горшке была мокрая и тёмная. Сверху — ничего. Но Соня теперь знала: там, внизу, корень пьёт воду. Она слышала это тишиной.

Поговорим?

- *Что ты делаешь первым делом, когда просыпаешься?*
- *Когда тебе последний раз было совсем тихо? Что ты тогда услышал(а)?*
- *Какой «мусор» лежит у тебя на подоконнике — в комнате или в голове?*

Глава 11. Кузина



На осенние каникулы к ним приехала Карина — двоюродная сестра, дочка папиной сестры тёти Оли. Карине было четырнадцать, у неё были фиолетовые кончики волос, ногти с блёстками и телефон в чехле с кошачьими ушами. И у неё был блог. Восемьсот подписчиков.

— Восемьсот! — шёпотом сказала Соня Тимоше. — Это почти как вся наша школа.

Тимоша спросил, что такое подписчики. Соня объяснила: это люди, которые каждый день смотрят на Карину. Тимоша подумал и сказал: «Как мама на нас?» Соня не нашлась, что ответить.

* * *

Карина взяла Соню в «помощницы». Это было волшебю. Они снимали всё: как Карина красит губы, как Карина ест мороженое, как Карина «случайно» роняет мороженое на Тимошу. Соня держала телефон, Соня придумывала шутки, Соня танцевала в кадре под модную песню — двадцать раз подряд, потому что «не тот свет».

Три дня пролетели как один. Они ложились в два ночи, лёжа под одеялом с телефоном, и смотрели, сколько набралось лайков. Утром спали до обеда. Мама работала, папа сидел в мастерской, и никто их не останавливал.

На четвёртый день Соня проснулась в полдень с тяжёлой головой. Карина ещё спала, уткнувшись в телефон. За окном было солнце, во дворе ребята гоняли мяч. Миша писал ей: «Пойдёшь на речку? Там лёд встал у берега, можно смотреть, как пузыри замерзают». Соня прочитала и не ответила. Ей ничего не хотелось. Совсем ничего. Только почему-то посмотреть ещё один ролик.

Карина спала до двух. Проснувшись, первым делом схватила телефон: «Сорок новых подписчиков!» — и засмеялась. А потом сразу погрузилась: у её подруги за ночь прибавилось двести. Она полчаса молча листала, а Соня сидела рядом и смотрела, как у Карины меняется лицо: то улыбка, то обида, то снова улыбка. Как будто внутри неё кто-то быстро-быстро переключал каналы.

Соня тоже посмотрела ролик. Потом ещё один. А к вечеру легла лицом в подушку и заплакала, сама не зная почему.

* * *

Ночью Соня стояла на площади. Играла музыка, люди танцевали — красиво, весело, в огнях. Соня тоже танцевала, и ей было хорошо.

Но музыка не кончалась. Соня устала — а ноги танцевали сами. Хотела остановиться — и не могла. Люди вокруг тоже танцевали с пустыми, сонными глазами. А за площадью, в темноте, сохли поля.

— Отпусти! — крикнула Соня музыке.

Музыка оборвалась. Соня упала на мостовую, тяжело дыша. Рядом опустилась звёздочка.

— Это была весёлая площадь, — сказала она. — Пока ты танцевала, потому что хотелось. А потом ты танцевала, потому что не могла остановиться.

— Как отличить?

— Посмотри на свою батарейку.

Соня посмотрела на свою ладонь — там, будто на экране телефона, светилась батарейка. Красная. Четыре процента.

— Почему так мало? Я же отдыхала!

— Есть отдых, который заряжает. А есть, который разряжает, только прикидывается зарядкой. Ты три дня думала, что заряжаешься. А сама садилась.

— А что заряжает?

— А ты помнишь, когда в последний раз была полной?

Соня вспомнила: когда они с мамой разбирали подоконник. Когда смеялась над воробьями. Когда дочитала книжку.

— Почему тогда ролики кажутся отдыхом? — спросила она.

— Потому что они делают вид, — сказала звёздочка. — Они быстрые и яркие, и мозгу кажется, что он получает подарок за подарком. Но подарки пустые: открываешь коробку — а там следующая коробка. А настоящий отдых медленный. Он не обещает подарков. Он просто наполняет.

Соня молчала. Батарейка на ладони мигнула и пожелтела: шесть процентов, семь, восемь — как будто от одного воспоминания о воробьях.

— Вот и ответ, — тихо сказала звёздочка. — Ты проснулась чуть больше.

* * *

Утром папа заглянул в комнату. Девочки спали. Соня лежала с открытыми глазами.

— Вставайте, совы, — сказал папа. — У меня для вас дело.

— Пап, не хочется, — простонала Соня.

Папа не стал спорить. Он сел на край её кровати и положил тёплую ладонь ей на лоб, как будто проверял температуру.

— Голова гудит?

— Гудит.

— Знаю я эту голову. — Папа хмыкнул. — Когда мне было как Карине, я неделю не выходил из комнаты, играл в приставку. А потом отец вытащил меня на рыбалку. Я ныл всю дорогу. А там — туман над водой, поплавок, тишина. И я поймал щуку. Вот такую. — Папа развёл руками. — Я ту щуку помню до сих пор. А во что я играл неделю — не помню вообще.

— Совсем не помнишь?

— Ни одной игры. Как будто этой недели и не было.

Он посмотрел на Соню и вдруг сказал серьёзно:

— Ты не думай, я не ругаю. Мне тоже иногда хочется в телефон спрятаться. Вечером, когда устал, — листаю, листаю. Мама меня ловит. — Он усмехнулся. — Мы все так умеем. Просто надо, чтобы рядом был кто-то, кто скажет: «Пойдём, у меня велосипед сломался». Сегодня это я. В другой раз, может, ты мне скажешь.

Он помолчал.

— У меня в мастерской стоит старый Каринин велосипед. Колесо восьмёркой. Я один не справлюсь — рук мало. Помогите?

Карина, которая, оказывается, не спала, проворчала из-под одеяла:

— Это мой велик? Тот, с наклейками?

— Тот самый.

* * *

Они провозились в мастерской до вечера. Карина сначала снимала всё на телефон, а потом увлеклась, перемазалась в масле по локоть и забыла про телефон совсем. Соня держала колесо, папа выпрямлял спицы, Тимоша подавал не те ключи. Когда велосипед поехал, Карина прокатилась по двору и завизжала от радости — громко, по-детски, совсем не как в блоге. Тимоша бегал следом и кричал: «Я тоже! Я тоже!» — и папа посадил его на багажник и прокатил круг по двору, придерживая руль. Соня смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то наполняется — медленно, как банка под краном. Голова больше не гудела.

Вечером Соня написала Мише: «Прости, что не ответила. Пойдём завтра на речку смотреть пузыри?»

А перед сном Карина сказала в темноте:

— Сонь. Это был лучший день каникул. И я его даже не сняла.

— Жалко? — спросила Соня.

Карина подумала.

— Нет. Он у меня в голове. Там лучше видно.

* * *

Горшок стоял на подоконнике, политый. Соня потрогала землю — она была прохладная и живая. Батарейка внутри Сони показывала, наверное, процентов восемьдесят.

Поговорим?

- *После чего ты чувствуешь себя полностью заряженным(-ой)?*
- *Бывало ли, что ты «отдыхал(а)» весь день, а устал(а) ещё больше?*
- *Какой день ты будешь помнить через год — и что в нём было?*

Глава 12. Лучшие дубли



Карина уехала, но остался её блог. Соня подписалась и каждый вечер смотрела. Карина в красивом кафе. Карина с новыми серёжками. Карина с подругами смеётся на набережной. Карина и закат. У Карины уже было девятьсот подписчиков.

* * *

Соня смотрела — и с каждым роликом ей становилось хуже. У Карины были блёстки на ногтях, а у Сони — заусенцы. У Карины была своя комната с гирляндой, а Соня жила с Тимошей, который ночью храпел, как трактор. Карина ходила в кафе, а Соня — в школьную столовую, где по средам давали рыбную котлету.

Однажды Соня попробовала снять свой ролик. Она надела мамины серёжки, накрасила губы маминой помадой и сняла, как она «пьёт кофе» — на самом деле какао из кружки с отбитой ручкой. Получилось глупо. Она сняла ещё раз. И ещё. На двенадцатый раз Тимоша вбежал в кадр в трусах и с пистолетом, Соня закричала, а потом удалила всё и сидела на кровати, злая и некрасивая.

«Почему у неё есть, а у меня нет? — думала она. — Почему у неё всё получается, а у меня ничего?»

Перед сном она ещё раз открыла Каринин блог. Последнее видео: Карина в красивом платье кружится под гирляндой и смеётся. Девятьсот двенадцать лайков. Соня смотрела на эти цифры и чувствовала, как внутри что-то сворачивается в тугой комок. Она даже не заметила, как отложила в сторону свой альбом с рисунками. Он показался ей детским и никому не нужным.

* * *

Ночью звёздочка привела её в незнакомую комнату. Комната была маленькая, тёмная, с неубранной кроватью. На кровати сидела Карина — в старой растянутой футболке, без макияжа, с опухшими глазами. Перед ней на штативе стоял телефон.

— Это Карина? — удивилась Соня.

— Смотри.

Карина вытерла глаза, улыбнулась в камеру ослепительной улыбкой и сказала: «Привет, мои хорошие! Сегодня был лучший день!» Остановила запись. Посмотрела. Покачала головой. Удалила. И снова: вытерла глаза, улыбнулась, «Привет, мои хорошие!»

Соня насчитала тридцать восемь раз.

На тридцать девятый Карина не выдержала, бросила телефон на кровать и заплакала в подушку. А в соседней комнате кто-то громко кричал, хлопали двери.

— Её родители ругаются, — тихо сказала звёздочка. — Каждый вечер. А Карина снимает, как у неё всё прекрасно. Потому что так легче.

— Я не знала, — прошептала Соня.

— Никто не знает. В блоге не бывает тридцать восьмого дубля. Бывает только тридцать девятый, удачный.

Соня долго молчала. Внутри у неё что-то перевернулось: зависть ушла, а на её месте стало больно за Карину.

— Но мне всё равно хочется, чтобы у меня тоже было красиво, — призналась она.

— Это хорошее желание, — сказала звёздочка. — Зависть всегда показывает, чего ты хочешь. Ты хочешь красоты? Так делай красоту. Только свою, а не Каринину.

— Ты проснулась чуть больше.

* * *

В субботу они поехали к бабушке Нине. Соня молчала всю дорогу, а в саду бабушка дала ей корзинку и отправила собирать последние жёлтые яблоки с их старой яблони.

Яблоки были мелкие, с пятнышками. Соня посмотрела на соседский участок — там на дереве висели огромные красные.

— Бабушка, а почему у соседей яблоки лучше?

Бабушка выпрямилась, отряхнула руки о фуфайку и засмеялась.

— А ты попробуй.

Она перегнулась через забор — соседка разрешала — и сорвала красное яблоко. Дала Соне. Соня откусила. Яблоко было рыхлое и безвкусное, как вата. Потом бабушка протянула своё, жёлтое, с пятнышком. Соня откусила — и зажмурилась. Оно было сладкое, сочное, пахло мёдом.

— Вот, — сказала бабушка. — Красное — для глаз. Жёлтое — для жизни. Соседка сама к нам за ними ходит, для пирога.

Соня села на пенёк и рассказала бабушке всё: про Карину, про блог, про тридцать восемь дублей, про то, как ей было завидно. Бабушка села рядом и обняла её. От фуфайки пахло дымом.

— Знаешь, чего я больше всего завидовала в молодости? — спросила бабушка. — Подруге Гале. Она уехала в город, носила туфли на каблуках, писала мне про театры. А я тут — с курами и пчёлами. — Бабушка помолчала. — А потом, через много лет, Галя приехала ко мне в гости. Сидела вот тут, на этом пеньке, и плакала. Говорила: «Нинка, как же ты хорошо живёшь. Тишина. Земля. Свой мёд». Она мне всю жизнь завидовала, представляешь? А я — ей.

— И кто был прав?

— Обе дуры, — засмеялась бабушка. — Каждая смотрела через забор, вместо того чтобы поливать своё.

Она помолчала и добавила уже серьёзно:

— Знаешь, что я поняла, когда Галя плакала у меня на пеньке? Что зависть — это под-сказка. Мне хотелось Галиных театров — значит, мне не хватало красоты. И я тогда стала по вечерам петь в нашем клубе в хоре. Двадцать лет пела. А Гале хотелось моей тишины — и она на старости лет купила себе дачу. — Бабушка обняла Соню. — Вот и ты спроси себя: чего тебе на самом деле хочется, когда ты смотришь на Карину?

Соня подумала.

— Чтобы было красиво. Вокруг меня.

— Ну так делай красиво, — сказала бабушка. — У тебя же руки есть.

* * *

Дома Соня взяла альбом и краски. Она не стала снимать ролик. Она нарисовала свою комнату — с Тимошей на кровати, с горшком на подоконнике, с деревянной птичкой и с медалью на гвоздике. Без гирлянды. Получилось тепло.

А потом написала Карине: «Карина, мне очень нравится твой блог. Но знаешь, что мне нравится больше всего? Когда ты чинила велосипед и визжала. Ты там настоящая. Приезжай ещё».

Карина ответила только ночью. Одним словом: «Спасибо». И сердечком. А через неделю в её блоге появился ролик — без макияжа, в растянутой футболке: «Сегодня я покажу вам, как чинить велосипед».

* * *

Соня полила горшок. Под землёй, она знала, корень шёл вниз — туда, где темно и где никто не видит. Ему не нужны были зрители. Ему нужна была вода.

Поговорим?

• *Чей блог или жизнь кажутся тебе лучше твоей? Что ты знаешь об их «тридцать восьмом дубле»?*

• *Что зависть подсказывает тебе о том, чего ты хочешь?*

• *Какое «жёлтое яблоко» есть в твоей жизни, которого ты не замечал(а)?*

Глава 13. Никто



В Каринином блоге появился ролик с Соней. Старый, с каникул: Соня танцует под модную песню и смеётся. Карина не спросила — просто выложила. Соня сначала обрадовалась. А потом прочитала комментарии.

«Кто эта мелкая?»

«Танцует как табуретка, лол».

«Зачем ты её сняла?»

Сто двадцать лайков под роликом — и три комментария. Соня перечитала их раз двадцать. Она написала Карине: «Убери, пожалуйста». Карина прислала смайлик и ничего не убрала. Соня выключила телефон и положила его экраном вниз, но комментарии всё равно светились у неё внутри.

* * *

На следующий день всё валилось из рук. На физкультуре она упала на ровном месте. На диктанте сделала шесть ошибок. Лиза позвала её в команду для конкурса чтецов, но Соня отказалась: «Я всё равно всё испорчу». Миша спросил, что случилось, и она ответила: «Ничего. Я просто никто».

Миша посмотрел на неё странно и ничего не сказал.

Вечером Соня не стала есть. Лежала в темноте и думала, что если бы её не было, никто бы не заметил. У мамы работа. У папы мастерская. У Тимоши — машинки. У Лизы — другие подруги. Пусто. Было так пусто внутри, будто кто-то выключил весь свет.

Мама заглянула в комнату перед сменой.

— Ты не ужинала?

— Не хочу.

Мама постояла в дверях, посмотрела на неё внимательно. Хотела что-то сказать — и не сказала, только поправила одеяло и поцеловала в лоб. Соня отвернулась к стене. Ей хотелось, чтобы мама осталась. И одновременно — чтобы никто не видел, какая она сейчас никакая.

* * *

Ночью было очень темно. Так темно, что Соня не сразу увидела звёздочку. Та светилась слабо-слабо, как будто ей тоже было трудно.

— Мне кажется, я никто, — прошептала Соня.

— Я знаю, — сказала звёздочка. — Посмотри вверх.

Соня посмотрела — и увидела небо. Оно было полно звёзд. Огромных и ярких, и совсем крошечных, еле заметных.

— Видишь ту, маленькую, у самого края? — спросила звёздочка.

— Еле-еле.

— Она так далеко, что её почти не видно. Но если бы её не было, небо стало бы чуточку темнее. Каждая звезда нужна. Даже та, которую никто не замечает.

— Но я не звезда. Я просто девочка, которая танцует как табуретка.

Звёздочка засмеялась — тихо и тепло.

— Хочешь, я покажу тебе, где ты светила на этой неделе?

И Соня увидела: вот Тимоша, которому приснился страшный сон, и Соня гладит его по спине, пока он не уснул. Вот Миша, которому Соня отдала свой бутерброд, потому что он забыл свой. Вот мама, которая пришла со смены, а Соня поставила ей на стол чай — сама, без просьбы. Вот бабушка Нина, которая говорит по телефону соседке: «А внучка-то у меня — золотая».

— Это всё я? — спросила Соня.

— Это всё ты. Три комментария от людей, которые тебя не знают, — против всего этого. Чему ты поверишь?

Соня смотрела на маленькую звезду у края неба. Та мигнула, будто подмигнула ей. «Вот этому», — прошептала Соня и кивнула на картинки.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка, и светила она уже ярче.

* * *

Утром мама сказала:

— Собирайся. Поедешь со мной на работу. Ненадолго, я договорилась.

Соня никогда не была у мамы на работе. Роддом оказался тихим, светлым, пахнущим чем-то чистым и тёплым. Мама надела халат и стала другой — быстрой, собранной. Она провела Соню в маленькую комнату, где на столе лежали стопки крошечных распашонок.

— Поможешь мне их сложить? Девочки не успевают.

Соня складывала распашонки. Они были такие маленькие, что помещались на ладони. А потом мама позвала её к окошку детской палаты. За стеклом, в прозрачных кроватках, спали новорождённые. Совсем крошечные, красные, сморщенные.

— Вот этот родился сегодня ночью, — шёпотом сказала мама. — Три килограмма. Он ещё ничего не умеет. Даже голову держать. И он самое важное, что есть у его мамы на свете.

Соня смотрела на него, не дыша.

— Мам, а я тоже была такая?

— Ты была ещё меньше, — мама обняла её сзади и положила подбородок ей на макушку. — И ты ничего не умела. А я смотрела на тебя и думала: вот он, мой смысл. — Она помолчала. — Сонь, Миша вчера позвонил. Сказал, что ты назвала себя никем и что он за тебя волнуется. Я поэтому тебя и взяла.

Соня обернулась.

— Миша позвонил?

— Миша. Тот, которому ты отдала бутерброд.

Соня уткнулась маме в халат и заплакала. Но это были уже не те слёзы, что ночью. Это были слёзы, после которых становится светлее.

— Мам, а если мне снова станет так пусто?

— Тогда сразу приходи ко мне. Или к папе. Или к бабушке. В любое время, даже ночью, даже если я на смене — звони. Пустоту нельзя носить одной. Её надо показывать. Тогда она уменьшается.

— А если я не смогу сказать словами?

— Тогда просто приходи и садись рядом, — сказала мама. — Я пойму. Или напиши одно слово: «пусто». Я буду знать, что делать.

Соня кивнула. А потом спросила тихо:

— Мам, а у тебя бывает пусто?

Мама помолчала.

— Бывает. После тяжёлых смен, когда что-то пошло не так. Тогда я прихожу домой, и вы с Тимошей спите, и я сижу у вашей кровати. И пустота уходит. Потому что вы есть. — Она поцеловала Соню в макушку. — Мы друг для друга — свет. Так и задумано.

* * *

Вечером Соня пришла к Тимоше и прочитала ему сказку — ту, которую он просил сто раз. Потом позвонила Мише.

— Спасибо, что ты позвонил маме.

— Я испугался, — признался Миша. — Ты никогда так не говорила.

— Я тоже испугалась, — сказала Соня. — А завтра я пойду к Лизе. Скажу, что буду в команде чтецов. Пусть даже испорчу.

Потом она встала перед зеркалом в прихожей и станцевала тот самый танец — без телефона, просто так. Получилось смешно. Тимоша выглянул из комнаты и стал танцевать рядом, ещё смешнее. Они танцевали, пока не упали на коврик от хохота.

— Как две табуретки, — сказала Соня. И ей впервые было не обидно.

* * *

На подоконнике стоял горшок. Сверху всё ещё ничего не было видно. Но Соня знала: внизу корень. Его никто не видит. А без него не будет ничего.

Поговорим?

- *Бывает ли, что тебе кажется, будто ты никто? Что тогда помогает?*
- *Вспомни, где ты «светил(а)» на этой неделе — кому было хорошо рядом с тобой.*
- *Кому ты можешь рассказать, когда тебе пусто?*

Глава 14. Море на потолке



У Сони была мечта: море. Настоящее, синее, до горизонта. Она видела его только на картинках и у Лизы на фотографиях с дельфином.

Каждый вечер она ложилась, смотрела в потолок и представляла. Вот она идёт по горячему песку. Вот бежит в волну — вода тёплая и солёная. Вот плывёт рядом с дельфином, и дельфин улыбается. Это было так прекрасно, что потолок исчезал, и Соня слышала шум волн.

* * *

Скоро она стала мечтать не только вечером. На уроках смотрела в окно — и там было море. Дома, вместо того чтобы делать математику, лежала на кровати — и плыла. Однажды она пролежала так два часа и не заметила, как стемнело.

— Соня, ты сделала уроки? — спросил папа.

— Я думала.

— О чём?

— О море.

Папа хмыкнул и ушёл. А Соня вдруг почувствовала, что она очень устала. Хотя ничего не делала. Было странно: море в голове было таким ярким, а внутри — пусто и вяло, как после долгой болезни. И чем больше она мечтала, тем дальше море становилось.

Лиза спросила её на перемене:

— Ты чего такая сонная? Опять мечтала?

— Я была на море, — сказала Соня. — Плавала с дельфином.

Лиза засмеялась:

— Ну и как вода?

Соня открыла рот — и вдруг не смогла ответить. Какая вода в море — тёплая? Холодная? Солёная насколько? Она не знала. Она плавала там сто раз — и не знала самого простого. Ей стало обидно и немножко стыдно.

Дома она спросила Тимошу:

— Ты знаешь, какая вода в море?

Тимоша подумал.

— Мокрая.

Соня хотела засмеяться — и не смогла. Тимоша знал про море ровно столько же, сколько она. Только он никогда не говорил, что плавал там с дельфином.

* * *

Ночью она оказалась на берегу. Море было — но какое-то бледное, нарисованное. Волны двигались, а шума не было. Песок не грел.

— Почему оно такое? — спросила Соня.

— Потому что ты его кормишь только мечтами, — сказала звёздочка. — Мечтам нужна еда. А их едой бывают только дела.

— Какие дела? Я же маленькая. Я не могу поехать на море.

— Поехать — нет. А сделать к нему шаг — можешь. Хочешь, покажу?

Звёздочка коснулась песка, и на нём проявилась дорога. Не прямая, а с камешками-ступеньками. Первый камешек лежал у самых Сониных ног. Последний — у самой воды.

— Что на первом камешке?

Соня наклонилась. На камешке было написано: «Узнай, где ближайшее море».

— И всё? — удивилась она.

— И всё. На втором будет следующее. Ты никогда не увидишь всю дорогу сразу. Только ближайший шаг.

Соня наступила на первый камешек. И море стало чуть ярче, а издали донёсся настоящий шум волн.

— А почему мечта забирает силы? — спросила Соня. — Мне же в ней хорошо.

— Потому что в мечте ты всё время получаешь, но ничего не отдаёшь, — сказала звёздочка. — Мечта как дерево без корней: красиво, но ему нечем пить. Каждое маленькое дело — это корешок. Чем больше корешков, тем живее мечта. А если корешков нет, она высыхает и забирает воду у тебя.

Соня посмотрела на дорогу из камешков. Она была короткая — видно только начало. Но начало было настоящим, и под ногой оно было твёрдым.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

Утром была суббота. Соня пришла в мастерскую. Папа разбирал старый мотор.

— Пап, а где ближайшее море?

Папа вытер руки, сел на ящик и посадил Соню рядом. Взял с полки старую карту — дедушкину, из планшета, мама отдала её папе.

— Смотри. Мы вот тут, на Волге. А вот Чёрное море. А вот Азовское — оно поближе. Если на поезде — сутки с небольшим.

— Сутки? Всего?

— Всего, — улыбнулся папа. — Ты что, думала, оно на другом краю света?

— Я думала, оно только у Лизы.

Папа засмеялся и обнял её одной рукой — от него пахло маслом и железом.

— Знаешь, я тоже мечтал, — сказал он. — Мастерскую свою. Лет десять мечтал, лёжа на диване. А потом мама сказала: «Илья, хватит мечтать на диване. Мечтай с паяльником». И я стал по выходным чинить соседям телевизоры. За копейки. Через три года у меня была эта мастерская.

— Значит, мечта — это как... план?

— Мечта — это чертёж, — сказал папа. — Дом по чертежу никто не видит, пока не положишь первый кирпич. — Он помолчал. — Давай так. Сколько стоит поездка на море, я тебе посчитаю. Это много. Но если ты будешь откладывать то, что тебе дают на мелочи, а летом поможешь мне в мастерской, — посмотрим. Не обещаю. Но посмотрим.

Потом вдруг засмеялся.

— Знаешь, когда я первый раз увидел море? В двадцать пять лет. Мы с мамой твоей поехали на старой машине, она ломалась шесть раз по дороге. Я её чинил на обочине, мама ругалась, потом смеялась. А когда мы приехали — было уже темно. И мы просто слышали, как оно шумит. Не видели — только слышали. — Папа смотрел куда-то сквозь стену. — Это было лучше любой картинки. Потому что мы до него доехали сами.

* * *

В тот же день Соня нашла банку из-под варенья, вымыла её и написала на крышке маркером: «МОРЕ». Положила туда двадцать рублей — всё, что у неё было. Банка звякнула.

Тимоша прибежал на звук и долго разглядывал банку. Потом ушёл и вернулся с монетой в десять рублей — своей, из копилки-свиньи.

— Это тоже на море, — строго сказал он. — Возьмёшь меня?

Соня подумала и опустила монету в банку.

— Возьму.

И дописала на крышке маленькими буквами: «и Тимоша».

Потом она нарисовала на листе дорогу из камешков, как во сне. На первом написала: «Узнать, где море» — и поставила галочку. На втором: «Каждую неделю — в банку». На третьем: «Научиться хорошо плавать». Дальше камешки были пустые.

А потом села и сделала математику. Всю. И почему-то совсем не устала.

* * *

Банка стояла на подоконнике рядом с горшком. Под землёй корень тянулся к воде. А в банке на дне лежали двадцать рублей — тоже как будто корешок.

Поговорим?

- *О чём ты мечтаешь чаще всего?*
- *Какой самый маленький первый шаг к этой мечте ты можешь сделать сегодня?*
- *Бывает ли, что ты устаёшь от мечтаний? Почему, как думаешь?*

Глава 15. А что, если



Мама ушла на ночную смену, как обычно. Папа уехал к соседу в деревню чинить трактор и обещал вернуться к полуночи. С Соней и Тимошей осталась соседка Клавдия Ивановна — она уснула в кресле перед телевизором ещё в девять.

В десять Соня позвонила маме — пожелать спокойной ночи. Мама не взяла трубку. Тимоша давно спал, раскинув руки, и одеяло у него, как всегда, сползло на пол. Соня подняла его и укрыла брата до подбородка — так всегда делала мама.

* * *

Сначала Соня не волновалась: мама часто не берёт, когда занята. Она позвонила ещё раз через десять минут. Опять гудки.

И тут в голове открылась дверь.

«А что, если с мамой что-то случилось?» Она увидела: мама поскользнулась на мокром полу в роддоме. Упала. Никто не видит. «А что, если она шла с работы и её сбила машина?» Соня увидела и это — так ярко, будто смотрела ролик. «А что, если папа не вернётся, потому что трактор упал на него?» И это. «А что, если они оба...»

Сердце колотилось так, что было больно. Руки стали холодные. Соня лежала, укрывшись с головой, и одна страшная картинка сменяла другую. Ей казалось, что если она перестанет думать, то случится самое плохое.

Она позвонила маме ещё четыре раза. Потом папе — он был вне зоны. Потом открыла новости в телефоне и стала искать: «авария», «роддом», «наш город». Ничего не нашла — и от этого стало ещё страшнее: значит, ещё не написали. Клавдия Ивановна тихо посапывала в кресле. Соня не стала её будить. Ей казалось, что если сказать страх вслух, он станет правдой.

* * *

Она не помнила, как уснула. Но во сне она оказалась в комнате, где все стены были двери. Из-за каждой двери доносилось что-то страшное: вой сирены, скрип тормозов, мамин крик. Соня открывала одну за другой, и за каждой был свой ужас.

— Хватит! — закричала она.

— Посмотри на свою руку, — спокойно сказала звёздочка.

Соня посмотрела. В правой руке у неё была кисть. Перепачканная тёмной краской.

— Это ты их нарисовала, — сказала звёздочка. — Каждую дверь. Каждый страх.

— Я не хотела!

— Знаю. Воображение рисует само, если за ним не смотреть. У тебя очень сильная кисть, Соня. Ты рисуешь такие сады, такое море. Но она же рисует и пропасти. Ей всё равно что — главное, чтобы ты смотрела.

— А как перестать?

— Не перестать. Помнить, что кисть у тебя. И нарисовать дверь обратно.

— Куда?

— Туда, где ты есть на самом деле. В твою комнату. Где тикают часы. Где сопит Тимоша. Где горшок на подоконнике.

Соня подняла кисть, дрожащей рукой нарисовала на стене простую дверь — с ручкой, как у неё в комнате. И шагнула. Двери с ужасами за спиной погасли.

— Почему мне казалось, что если я перестану бояться, случится плохое? — спросила Соня.

— Потому что страх притворяется охранником, — сказала звёздочка. — Он говорит: «Пока ты меня держишь, ты всех спасаешь». Но он никого не спасает. Мама в роддоме не стала в безопасности оттого, что ты три часа представляла аварии. А ты — устала, как после болезни. Страх иногда полезен: он говорит «осторожно». Но если он говорит без остановки — это уже не охранник. Это кисть, которую никто не держит.

Соня оглянулась на свою дверь. За ней было тихо и тепло, и тикали часы.

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

Соня проснулась от звука ключа в замке. Было шесть утра. Мама вошла в прихожую, сняла куртку, и Соня вылетела к ней босиком и вцепилась так, что мама охнула.

— Ты что? Что случилось?

— Ты не брала трубку! — Соня рыдала. — Я думала, тебя машина сбила! И папу трактор задавил!

Мама опустилась на корточки прямо в прихожей и прижала её к себе. Долго не говорила ничего. Гладила по спине — медленно, как гладят маленьких.

— Сонечка. Прости. У нас вчера были сложные роды, двойня. Я три часа не выходила из зала. Телефон лежал в шкафчике. Со мной всё хорошо. И с папой всё хорошо — он спит, приехал в час ночи, я ему звонила.

Соня всхлипывала, но уже тише.

— Знаешь, у меня тоже так бывает, — тихо сказала мама. — Когда ты с Тимошей в школе, а я на смене, и ты не отвечаешь, — у меня в голове такие картины, что лучше не рассказывать. Я тогда делаю одну вещь.

— Какую?

— Называю то, что вижу. Вслух или про себя. «Я вижу стол. Я вижу окно. Я слышу, как капает кран. Я чувствую свои ноги на полу». Пять вещей. И страх отступает. Потому что он живёт там — в «а что, если». А я возвращаюсь сюда.

— Это работает?

— Почти всегда. — Мама улыбнулась. — А ещё я беру в руку дедушкину птичку. Помнишь — «пока птичка с тобой, ты не упадёшь»?

— А если я позвоню, а ты опять не возьмёшь?

— Тогда звони папе. Или напиши мне: «Мама, позвони». Я всегда смотрю в телефон после родов. — Мама взяла её лицо в ладони. — И запомни: если что-то правда случится, тебе сразу позвонят. Плохие новости находят быстро. А тишина почти всегда значит одно: человек занят. Работает. Живёт.

Соня кивнула. Мама сварила им какао на двоих, и они пили его на кухне, пока не проснулся Тимоша. Он вышел, увидел их и спросил: «А почему вы не спите? Уже утро?» И мама с Соней засмеялись вместе.

* * *

Вечером Соня лежала в кровати, и в голове опять начало открываться: «А что, если завтра...» Она заметила. Открыла глаза и прошептала:

— Я вижу горшок. Я вижу птичку. Я слышу, как Тимоша сопит. Я чувствую одеяло. Я чувствую... — Она подумала. — Что я дома.

Дверь в голове закрылась. И Соня уснула.

А перед этим, днём, она отнесла Клавдии Ивановне плед и призналась, как ночью было страшно. Старушка всплеснула руками: «Что ж ты меня не разбудила, деточка? Мы бы с тобой чаю попили, а страх бы постоял за дверью». Соня пообещала: в следующий раз — разбудит.

* * *

Утром она подошла к горшку и сосчитала про себя: земля, вода, свет, тепло, тишина. Пять вещей, которые нужны корню. И ни одного «а что, если».

Поговорим?

- *Какое «а что, если...» пугает тебя чаще всего?*
- *Сколько раз оно сбылось на самом деле?*
- *Назови прямо сейчас пять вещей, которые ты видишь вокруг.*

Глава 16. Новенькая



В класс пришла новенькая — Варя. Её семья переехала из Сибири. Варя была тихая, высокая, с длинной русой косой, и знала наизусть все созвездия.

Анна Сергеевна посадила её с Лизой.

* * *

Сначала Соне было всё равно. Потом — не очень. Лиза и Варя вместе ходили в столовую. Вместе шептались на уроках. На перемене Лиза рассказывала Варе про дельфина — тот самый рассказ, который раньше слышала только Соня. А в пятницу Соня увидела, что у них одинаковые фенечки на запястьях. Лиза плела такие только для неё — для Сони. Раньше.

— Лиз, пойдём на горку? — спросила Соня после уроков.

— Мы с Варей идём в библиотеку, — ответила Лиза. — Пошли с нами?

— Не хочу, — сказала Соня. И пошла домой одна.

Дома она злилась на всё: на Тимошу, на холодный суп, на Варю с её дурацкой косой и дурацкими созвездиями. Внутри сидело колющее и горячее: «Лиза меня бросила. Варя её забрала. Теперь у меня никого нет». Вечером Лиза написала: «Ты обиделась?» Соня не ответила. Пусть помучается.

Она легла спать и долго не могла уснуть. Перед глазами стояли фенечки на Лизиной и Вариной руках. Соня представляла, как они завтра будут сидеть вдвоём, смеяться, а её даже не позовут. И она будет одна. Навсегда одна. Внутри было так колюче, что хотелось плакать — и одновременно сделать Варе что-нибудь плохое. Это желание её напугало. Она никогда раньше не хотела никому плохого просто так.

* * *

Ночью Соня оказалась на поляне. У неё в руках была птичка — маленькая, тёплая, с яркой грудкой. Соня знала, что это Лизина дружба, хотя никто этого не говорил.

— Ты моя, — сказала Соня птичке и сжала ладони. — Больше ни к кому не летай.

Птичка затихла. Соня сжала сильнее. Птичка перестала двигаться.

— Почему она не поёт? — испугалась Соня.

— Потому что ей тесно, — сказала звёздочка. — В кулаке не поют.

— Но если я разожму, она улетит к Варей!

— Может быть. А может быть, нет. Разожми и посмотри.

Соня медленно разжала пальцы. Птичка посидела на открытой ладони, отряхнулась. Вспорхнула на ветку — и запела. А потом прилетела ещё одна птица, с синей грудкой, и они запели вдвоём. А потом обе слетели и сели Соне на плечи. Одна на одно, другая на другое.

Соня засмеялась — так было щекотно и хорошо.

— Видишь? — сказала звёздочка. — Дружба не пирог. Когда у твоей подруги появляется ещё одна подруга, тебя не становится меньше. Иногда становится больше.

— А если она всё-таки улетит?

— Значит, её нельзя было удержать и в кулаке. Только задушить.

— Почему мне так страшно, что Лиза будет дружить с Варей?

— А чего ты боишься на самом деле?

Соня подумала.

— Что Варя лучше. Умнее. Что Лиза поймёт, что я так себе.

— Вот она, ревность, — тихо сказала звёздочка. — Снаружи кажется, что она про Лизу. А внутри она про тебя. Про страх, что ты недостаточно хороша. Когда ты знаешь, что ты — это ты и тебя есть за что любить, ревность становится маленькой. Ей нечем питаться.

Птички на плечах затихли, будто тоже слушали. Потом одна тихонько клюнула Соню в ухо — не больно, а как будто сказала: «Я здесь».

— Ты проснулась чуть больше, — сказала звёздочка.

* * *

В субботу была очередь бабушки Нины. Бабушка приехала в город — на рынок и в гости — и привезла банку мёда и мешок яблок. Соня сидела рядом с ней на кухне, пока бабушка чистила яблоки для шарлотки — одной длинной лентой кожуры.

— Ба, у Лизы новая подруга.

— Хорошая?

— Не знаю. Наверное. Звёзды знает.

— А ты чего такая надутая?

Соня рассказала. Про фенечки, про библиотеку, про то, как не ответила Лизе. Бабушка слушала, не перебивая, а потом отложила нож, вытерла руки и притянула Соню к себе — в мягкий свитер, пахнущий яблоками.

— Знаешь, кто у меня была лучшая подруга? Галя. Помнишь, я рассказывала — та, которая в город уехала. — Бабушка улыбнулась. — А в шестом классе к нам пришла новенькая, Зоя. И Галя стала с ней дружить. Я так ревновала, что неделю с Галей не разговаривала. Писала ей злые записки.

— А потом?

— А потом Зоя заболела. Сильно, в больницу легла. И Галя пришла ко мне и сказала: «Нинка, пойдём к ней вместе. Я одна боюсь». И мы пошли. И Зоя потом стала нашей третьей. На всю жизнь. — Бабушка помолчала. — Она умерла три года назад. Я до сих пор каждую весну ношу ей сирень.

Соня молчала.

— Друга не держат, Сонюшка, — сказала бабушка. — Друга ждут. И зовут. И радуются, что ему есть с кем ещё смеяться. Так их становится больше, а не меньше.

— А если Лиза меня правда бросит?

Бабушка посмотрела на неё долго и ласково.

— Тогда тебе будет больно. Очень. Ты поплачешь — и это будет правильно. А потом ты найдёшь других. Потому что ты умеешь дружить. Это не отнять. — Она положила на стол яблоко — круглое, румяное. — Но знаешь что? Мне кажется, Лиза никуда не денется. Друзья, которых держат, уходят. А друзья, которых зовут, — возвращаются.

* * *

В понедельник Соня подошла к парте, где сидели Лиза и Варя.

— Лиз, прости, что не ответила. Я ревновала. Глупо, да?

Лиза удивлённо моргнула. Потом засмеялась.

— Я так и подумала. Я тебе тоже фенечку сплела — с синим, как море. Просто не успела отдать.

Соня повернулась к Варе. Варя смотрела немного испуганно.

— Варя, а ты правда знаешь все созвездия?

— Почти все, — тихо сказала Варя.

— А покажешь мне одну звезду? Маленькую. Которую почти не видно.

Варя улыбнулась — первый раз за неделю. А вечером они втроём стояли во дворе, задржав головы, и Варя показывала: вот Большая Медведица, вот Полярная, а вон там, у самого края, еле видная — это...

— Я знаю, — сказала Соня. — Это моя.

Варя не стала спорить. Она только сказала: «У нас в Сибири небо больше. Но эта звезда видна и там». Лиза взяла их обеих под руки, и втроём им было совсем не тесно.

* * *

На подоконнике рядом с горшком лежала новая фенечка — синяя, как море. Соня повесила её на деревянную птичку. Птичке было свободно.

Поговорим?

• *Бывало ли, что ты ревновал(а) друга или подругу? Что ты чувствовал(а)?*

- *Что происходит с дружбой, когда её держат «в кулаке»?*
- *Кого ты можешь позвать третьим в свою компанию?*

Глава 17. Письма с Севера



Бабушка Нина обещала рассказать про дедушку, который «уехал на Север». И рассказала — в субботу, в своём доме, когда папа ушёл чинить соседке крышу.

Она достала из комода шкатулку. В ней лежали письма — много, перевязанные бечёвкой, в пожелтевших конвертах с северными марками.

* * *

— Твоего дедушку звали Коля, — сказала бабушка. — Он был весёлый, красивый, играл на гармонии. Я за него вышла в восемнадцать. Твой папа родился, когда мне было девятнадцать. А потом Коля начал пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.